

Лидия
ЛЮБОСЛАВОВА

САМЫЙ
ДЛИННЫЙ
ДЕНЬ

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4
ISBN - 85234-138-0

Редактор **Вячеслав Смирнов**
Художник **Надежда Бикулова**

Лидия Любославова. «САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ». –
Тольяги,
Литературное агентство В. Смирнова, 2011. – 88 с.

© Л. Любославова, 2011
© Н. Бикулова, 2011
© Литературное агентство В. Смирнова, 2011

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ

В свое время автор книги, Лидия Любославова, уделила заметный отрезок своей жизни журналистике. Не секрет, что и по сей день ведутся споры: помогает ли ремесленничество творчеству, или, наоборот, наносит ущерб творческой составляющей? Высказывались снобистские утверждения о том, что писатель в любой момент может стать журналистом, а вот журналист писателем – не всегда. Но мне казалось, что разносторонний жизненный опыт все-таки должен привносить в «копилку» пишущего человека не только дополнительные знания и житейский «багаж».

В последние шесть лет Лидия работает специалистом Тольяттинского краеведческого музея. И ранее, а уж тем более и за период музейной работы ею было совершено множество исследовательских походов и экспедиций по Самарской Луке, по живописным и историческим окрестностям нашего края.

Нынешнюю книгу, скорее всего, следует считать творческим осмыслением информации, полученной в результате исследований – этакой «фантазией на заданную тему». В своих произведениях автор, опираясь и на результаты археологических раскопок, и на легенды Жигулей про Стеньку Разина и заговоренные клады, и на феномен XX столетия, связанный с НЛО и аномальными зонами в наших местах, – создает мир, где, с одной стороны, присутствуют наши топонимические реалии, сдобренные исторической реконструкцией, а с другой стороны – это ничуть не останавливает автора в его версификаторстве и полете фантазии.

Доисторический мир с древними слонами архидискодонами спокойно соседствует с бытом и приключениями первобытных людей. Персонажи наших дней неожиданным образом попадают в средневековье. Пришельцы то ли иных, то ли параллельных миров запросто вмешиваются в судьбы и тех, и других, и третьих. Персонажи древности в своем упрощенном мире списывают это на банальное колдовство. Наши современники, обремененные гаммой знаний, просто не хотят верить в происходящее и даже не готовы дать всему увиденному и прочувствованному хоть какое-то объяснение.

И за всем этим стоит главное слово: «ТАЙНА». Это та информация, те внезапно полученные знания и артефакты, которые никому и ни при каких обстоятельствах не следует передавать.

Из произведения в произведение так и проходит лейтмотивом фраза: «Только никому не рассказывай об этом!»

И с этой необъяснимой тайной, и с этим нагромождением приключений и экзотических реалий персонажи словно бы вынырнули из нашего детства. На память сразу приходит определенный круг чтения: тут и Жозеф Анри Рони-старший с его «Борьбой за огонь», и образчики научно-популярной фантастики из замечательного журнала «Техника – молодежи».

Действительно, я бы в первую очередь порекомендовал эту книгу подросткам: тут есть и познавательная составляющая, и увлекательный сюжет. И, как я сказал уже выше – тайна. Взрослый же читатель просто испытает приятные воспоминания и ассоциации, перенесясь в те времена, когда все для него было впервые и вновь.

Вячеслав Смирнов, член Союза российских писателей

СНЕЖНАЯ ГРИВА

– Зачем пришла? – хмуро спросил колдун. Он знал, зачем.

Женщина положила подарки наземь и, робко поклонившись, застыла у входа.

– Муж мой... – прошептала еле слышно. – Однорогий его растоптал, умирает... Спаси его!

– Умрет, пока дойду. Почему сюда не принесли?

Она замялась, ничего не сказала. Что скажешь? Не нашлось в племени смельчаков, которые посмели бы войти в пещеру колдуна. Его, лунного колдуна, Снежную Гриву, боялись куда больше, чем Однорогого, больше, чем Пещерного Хозяина.

Он пристально взглянул еще раз – вся дрожит от страха, глупышка, глаза отчаянные, но не убегает, ждет. Надо помочь. Не осилит молодуха одна, не вырастит близнецов без мужской защиты – поди, и не знает еще, что беременна.

Он медленно поднялся, нашарил посох, заковылял к выходу. В последнюю зиму сильно болели ноги, плохо сгибались в коленях. Пришла, видно, пора, подумал он отрешенно. Он был стар, очень стар. Умей он считать, сказал бы, что больше сотни раз видел, как суровая бесконечная зима убивает землю белым огнем, и как потом приходит щедрое солнце и превращает снег в животворную влагу. Еще он сказал бы, что с каждым разом зима становится чуточку короче, а лето чуточку, почти незаметно, но теплее.

Колдун подтащил к костру пару бревнышек – авось не погаснет до его возвращения. Отодвинул шкуру, закрывавшую вход, зажмурился от яркого солнца.

Над долиной поднимался густой пар, воздух трепетал и делал все окружающее зыбким и ненастоящим. Кое-где еще белели островки снега, но лед на болотцах уже растаял, чистая вода сверкала под весенними лучами. Линяющий, в клочьях меха песец лакал из лужицы, заметил людей и затрусил прочь.

Ребристый склон горы над пещерой, обращенный к югу, уже оттаял, в щелях оживал пушистый мох. На вершине гряды гудели и раскачивались на ветру кряжистые сосны. Верховой ветер дул постоянно, приносил с севера леденящие вздохи Снеговоя. Ниже, на уступах скал, на открытых местах, угрюмая темно-зеленая хвоя сменялась странными, нездешнего вида белоствольными деревцами. Когда колдун был молод, здесь о таких и слыхом не слыхали, а теперь их с каждым годом становится все больше.

Колдун окинул долину долгим взглядом. На изломанном дне прочерчена новая трещина-разлом – след быстрого, очень быстрого опускания. Он прищурился, посмотрел вдаль, за горизонт. Там, как он знал, катит холодные воды громадная река¹, несет глыбы

льда, размывает берега и громоздит в собственном русле груды песка. Хотя она была далеко, колдун чувствовал ее явную угрозу, но не оттуда, со стороны долины, а с востока, из-за гор, гораздо выше по течению. Слово «наводнение» было неведомо ему, но колдун хорошо знал, что такое смерть. Невидимая отсюда далекая река готовила смерть всей долине. Тот, кто вовремя не уйдет, погибнет. Не сейчас, не скоро, но день придет.

...Гостя робко тронула его за край мехового балахона. Он вздрогнул, молча пошел по каменистой тропе вдоль горы, опираясь на посох. Когда-то он шутя пробежал расстояние от своей пещеры до общего поселения, а теперь ползет, как летучая мышь по песку.

Шагая между обвалившихся камней, он продолжал прислушиваться к звукам и ловить далекие запахи долины. Он чувствовал копошение куропаток и леммингов где-то среди кочек, вороватую пробежку песцов и хриплое бульканье воронов. Смутным, еле различимым гулом донеслось издалека движение оленьего стада. Но, сколько он ни напрягался, не уловил даже слабого духа Клыкастых Великанов. Земля больше не вздрагивала от их тяжелых шагов, ветер не доносил трубного зова. Колдун на миг закрыл глаза и представил себе косматую голову с изогнутыми бивнями. Она уперлась лбом в сосновый ствол и нажала. Ствол запищал, но выстоял. Тогда гибкий хобот протянулся вверх и с треском сломал нижнюю ветку. Хвоя исчезла в раскрытой пасти, и великан принялся мерно жевать.

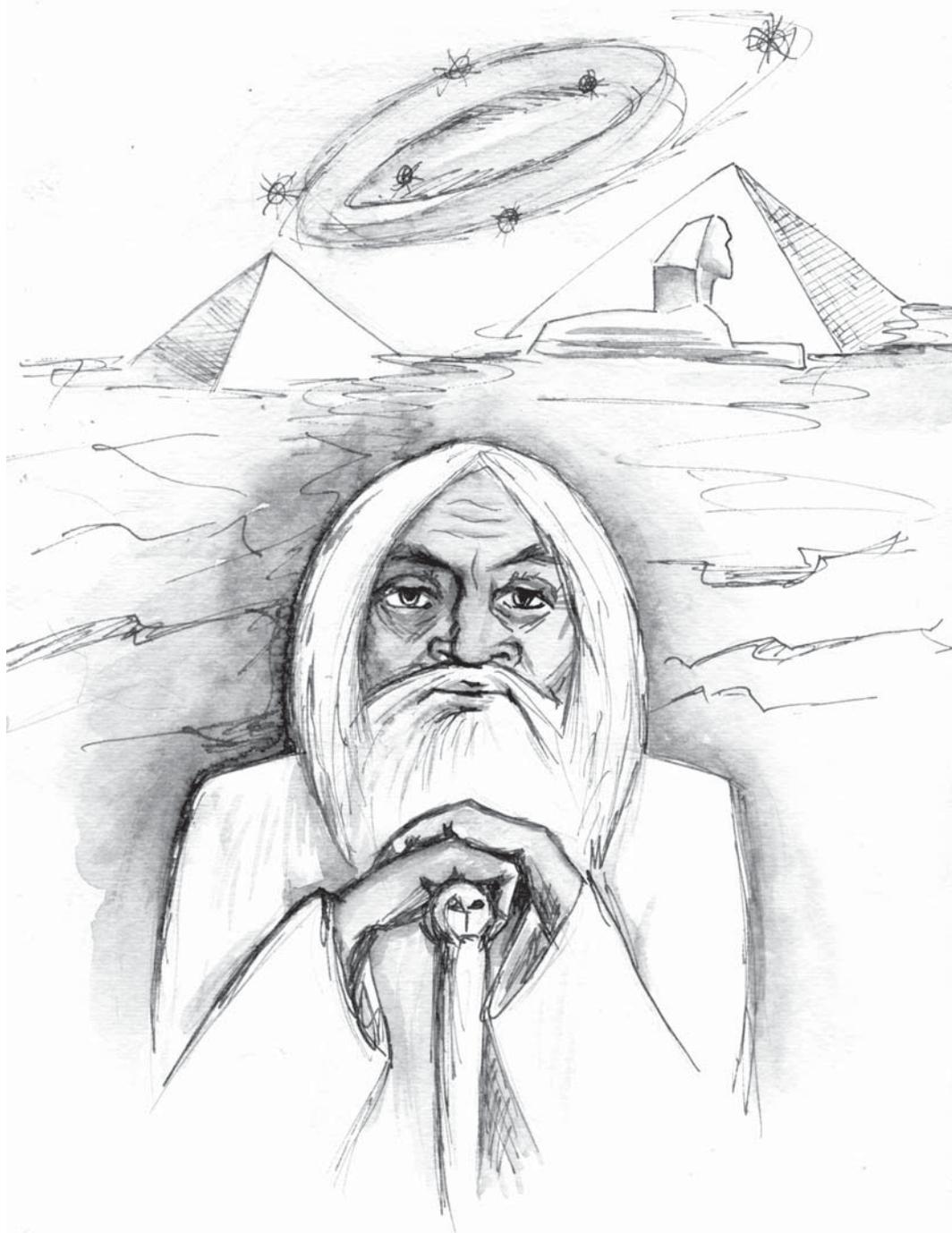
Но мыслеформа тут же пропала. Великаны ушли. Колдун нахмурился. Кто же теперь поможет заготовить дрова к следующей зиме? Один он не справится, а без хорошего огня мороз не пережить. Впрочем, до зимы еще далеко – там видно будет.

В ноздри ударил запах дыма больших костров, чад обгорелых костей и рога. Он поморщился – много лет не брал в рот мяса, тошнило от одной мысли, что придется жевать кусок мертвой плоти такого же теплокровного существа, как он сам.

Впереди, под известковым боком горы, чернели пещеры. Возле них на утоптанной площадке бегали полуголые мальши, несколько женщин расстелили медвежью шкуру, сидели на ней с шитьем, громко переговаривались. Увидев колдуна, загалдели еще громче, повскакивали, хватая ребятишек.

– Снежная Грива! – вскрикнул кто-то.

Из пещер показались заспанные бородатые охотники. Колдун, не обращая на них внимания, прошел вслед за своей спутницей к дальней пещере, с трудом опустился на колени и протиснулся в затхлый полумрак. Там хрипло дышали, невнятно бормотали и ворочались. Пахло кровью, застарелым потом, сырыми шкурами и прогорклым салом. И еще – жженым «солнечным камнем». Хотя

бы это догадался сделать местный знахарь, и то хорошо. Или это Старшая Мать постаралась? Теперь вездесущие злые духи не помешают совершить обряд.

При свете тлеющих углей колдун разглядел просторный зал – потолок и дальняя стена терялись в темноте, – глубокие ниши, заваленные шкурами, обломками мамонтовых костей и бивней, хворостом и прочей дребеденью. У костра на оленьей шкуре, расстеленной поверх лапника, лежал раненый охотник. Возле него смутно маячили две закутанные фигуры. Одну, в лисьем плаще, колдун узнал сразу – Старшая Мать, повитуха и родоначальница племени, посредница между предками-хранителями и нынешними обитателями пещер. Большинство здешних охотников приходится ей правнуками. Когда-то он, колдун, пытался объяснить ей, что злые духи боятся огня и бегут без оглядки, когда горит и плавится желтый «солнечный камень». Запомнила, когда захотела, упрямая старуха. Кто бы еще убедил ее, что молодые охотники должны странствовать, что жену лучше приводить из дальних краев, из других племен – только тогда в племени рождаются здоровые крепкие дети.

Второй сидящий у костра – костлявый старик с бегающими глазками, – наверное, и есть местный знахарь. Тот, кого называют солнечным, добрым – в отличие от него, ночного, с ног до головы выбеленного Луной.

Колдун скептически оглядел его наряд – брякающие бусы, нашивки и подвески, якобы разгоняющие злых духов, резной жезл и нелепые узоры на щеках – ничего похожего на истинный Знак Силы! Волосы для чего-то вымазаны глиной и застыли остроколючим коком – ясно, кому он подражает, Однороговому, но какой от этого прок? Ну кого он может спасти такими жалкими играми? Почему не пришел вовремя, не согласился учиться истине?

Колдун вздохнул сокрушенно, нагнулся над раненым.

Молодой воин был без сознания. Лежал, закатив глаза, разметав набрякшие горячие руки, дышал часто и мелко. Правая ступня вывернута, из-под разорванной окровавленной кожи голени торчит обломок кости. Это ничего, подумал колдун. Заживет. Главное, что расколотая кость не задела крупных сосудов. И вредные огневые духи не успели пролезть под кожу, не подожгли плоть внутренним огнем. Гораздо хуже пришлось голове. На затылке раненого вспучился громадный кровоподтек – вероятно, от тяжелого удара носорожьего копыта. Сквозь посиневшую кожу колдун видел трещину в кости, лопнувшие мельчайшие сосуды мозга и сгусток застывшей крови под оболочкой. Это хорошо, что не просочилась вглубь, подумал он. Есть надежда.

Он ясно видел, как это случилось. Вот громадный зверь, пыхтя, мчится по поляне, преследует охотников. Догоняет одного из них, но тот прыгает в сторону. Стремительно, как олень. Он почти

успевает. И это «почти» оказывается роковым. Он как раз попадает под ноги чудовища. Носорог по инерции несется дальше, даже не заметив, что подмял под себя человека. Просто удивительно, что парень остался жив. И даже ран, если не считать ссадин и мелких ушибов, всего две.

Колдун удовлетворенно кивнул. Сказал знахарю и жене раненого (она все это время сидела тут же тихо, как мышь):

– Воды несите, щепок побольше, жил оленьих.

Когда получил требуемое, долго перебирал ароматные сосновые щепки, придирчиво рассматривал одну за другой. Выбрал несколько, отложил в сторону. Ловко вымыл рану на ноге (воду ему принесли в туго плетеной корзине, обмазанной глиной), выгачил мелкие осколки, свел края сломанной кости, покрыл рану чистым мхом из собственного мешочка, с которым никогда не расставался. Потом обложил больное место лучинками и заматал жилами. Повернул голову раненого набок, сосредоточился. Протянул руку к разбитому затылку, коснулся кончиками пальцев. Другую руку положил ниже грудины. Высохшая, лишенная пигмента пятерня резко белела на фоне загорелой, в курчавых волосах кожи.

У невольных зрителей мороз пополз по коже: колдун запел, растягивая непонятные слова, низким рокочущим голосом, от которого у всех затрепетали внутренности. В такт напеву он медленно раскачивался, пошевеливал пальцами. Зрители потом рассказывали, что из его пальцев шел невидимый огонь, от которого стало тепло, как в солнечный день.

Колдун пел долго, водил руками над распростертым телом. Потом замер и долго сидел, не шевелясь. Ждал, пока перестанет болеть его собственное сердце. (Так бывало всегда, когда он терял слишком много энергии.) Вспоминал далекую весну, перечеркнувшую его прежнюю жизнь.

...Его звали детским именем Зайчик, и он не мог дождаться, когда же, наконец, будет посвящен в воины и охотники. Вместе с братьями-ровесниками томился ожиданием, злился на Быстронога, парнишку немногим постарше, но успевшего перейти в клан взрослых. Быстроногу уже дали новое имя, разрешили носить оружие, чем он ужасно чванился перед мальшами, называя их птенцами и трусами. Зайчик не выдержал насмешек и тоже поддразнил его:

– Иди к Грозовой Пещере, принеси оттуда камень! Покажи, какой ты храбрый!

– Сам иди! – задиристо ответил Быстроног. – Что, боишься?

– И пойду! – выпалил Зайчик. – Я не трус!

Может, они бы покричали и успокоились, но рядом были девчонки. Пришлось идти тут же, немедленно, пока решимость не угасла.

Конечно, вся детвора увязалась следом – убедиться, что храбрец не соврал, а вправду побывал там, куда еще не ступала нога человека. Правда, все любопытствующие один за другим отстали. Зайчик пошел один – мимо Холодного ручья, мимо горы Великана. Прямо к скалистому обрыву, где из толстого тела горы явно выступал гигантский бородатый лик – Каменный Дед², страж Грозовой Пещеры³.

С каждым шагом он чувствовал, как меняется пространство вокруг, и он сам тоже менялся. Становилось легко, как во сне, и мало-помалу четкие контуры гор стали терять очертания. Он вспомнил, как один из охотников как-то раз прибежал домой весь бледный и с перекошенным от ужаса лицом, стал сбивчиво рассказывать, что слышал дикий крик возле Пещеры. Громче, чем от стада Клыкастых. Потом крик умолк, и с неба опустился огненный змей. Что было дальше, он не знал, потому что во все лопатки припустил прочь от страшного места.

Зайчик тоже ждал, что вот-вот услышит крик или увидит огненного змея. Но он увидел совсем другое: светящиеся шары, множество шаров кружилось над поляной, как снежинки в свете ночного костра. Только эти снежинки были большими и полупрозрачными, и в них проглядывали силуэты танцующих существ – не то людей, не то змей. Хоровод огней закручивался в спираль, как каменная раковина, вроде тех, что Зайчик находил на болотах. Закручивался все быстрее и быстрее, пока не поглотил все вокруг, и тогда Зайчик вдруг понял, что тоже летит вместе с ними высоко над землей.

Он не испугался. Было весело и ужасно интересно, что же будет дальше. Странные, невиданные картины стали наплывать в сознание, путая его и заставляя забыть, кто ты и где находишься.

...Вот чернота вокруг, громадный светящийся шар внизу, как голубое солнце. Затем по тонкому лучу стремительно вниз, так, что захватило дух. Луч пронзал шар, как костяная проколка беличьей шкурку, и Зайчик понял, что погружается в воду. Она раздалась в стороны, будто твердая, и он смог достичь самого дна. Пучеглазые рыбы смотрели на него, кружились над затопленными жилищами и замысловатыми предметами, назначения которых Зайчик не знал. Ему захотелось приблизиться, но видение быстро сменилось на другое.

...Скалистые горы громоздились над голой равниной, растресканной, как кусок высохшей глины. Между двух вершин, уходящих за облака, высился каменный исполин – лежащий пещерный лев, но голова у него была с человеческим лицом. От него исходила постоянная вибрация – лев двигался, перебирал лапами, будто устраивался на ночлег. В этом был некий смысл, но Зайчик его не понял.

...И без всякого перехода вглубь, под землю, в темноту пещеры. Зайчик уже не удивился, что может разглядеть темное чрево земли без факела. Он просто разглядывал глыбы вещества, похожего на прозрачный лед. В них застыли животные и люди – лежали смирно, будто спали. Земля была беременна, и ее плоды ждали своего часа здесь, во мраке подземелья. Большинство людей ходили на его соплеменников, но вдаль он заметил глыбу с настоящим великаном – вроде тех, о которых рассказывают страшные сказки у костра.

И вдруг он услышал голоса. Он шли ниоткуда, не были облечены в звуки и просачивались через его голову, как вода сквозь песок. Слова были совершенно незнакомые, но Зайчик понимал их, хотя и не смог бы объяснить, как это происходит. «...Что с ним?.. Слишком близко подошел к генератору... мозг поврежден... в зоне... подключение... перегрузка... не выдержит напряжения... Не готов... заблокировать срочно!»

Зайчик открыл глаза и понял, что лежит возле Холодного ручья. Рядом устроился встрепанный ворон, булькал предупреждающе.

Как он сюда попал? Зайчик не успел поразмышлять над этим, потому что увидел, как со стороны пещер к нему бегут люди. Среди них была и его мать. Наверное, Быстроног проговорился, что ходил к Пещере, подумал Зайчик.

Он не понял, почему все глядят на него с таким страхом, почему замерли и спешно творят ограждающие знаки. Мать бросилась к нему, но ноги ее подогнулись, она упала на колени, обхватила сына и заголосила.

– Отойди от него! – крикнул кто-то. – Смотри, Снеговой выбелил его голову! Волосы белые, как снег! Плохой знак! Зло пришло к нам!

Зайчик посмотрел на вопившего старика – его звали Коготь, и он хвастливо говорил, что умеет слышать духов. И вдруг Зайчик облился потом от ужаса: он ясно увидел, что происходит у Когтя внутри, будто со старика содрали кожу. Влажно блестели мышцы, сердце билось учащенно и неровно, алая кровь толчками неслась по жилам. А еще он увидел черный нарост внутри одного из его сосудов, самых крупных, и понял, что скоро он оторвется, полетит прямо в сердце и закупорит его.

– Коготь! – невольно выкрикнул Зайчик. – Ты скоро умрешь. Я вижу.

...Колдун очнулся. Да, он оказался прав. Меньше чем через одну Луну Коготь ушел к праотцам. Перепуганные соплеменники стали кричать, что это Зайчик наслал беду. Мать еле успела выгнать сына из пещеры, и вместе они бежали подальше от племени. Их, впрочем, не преследовали.

Приблизиться к Грозовой Пещере Зайчик (впрочем, его теперь звали по-другому – Снежная Грива) больше не решился, они поселились возле Холодного ручья в небольшой норке, где умудрялись даже зимовать, занавешивая вход шкурой. Когда мать покинула его, отшельник совсем перестал охотиться, питался все лето клюквой и морошкой, ловил рыбу в ручье, а на зиму запасал кедровые орехи и ту же рыбу, закапывая ее в снег, сушил грибы. Только если случалось наткнуться на погибшего оленя или медведя, он снимал с него шкуру, чтобы укутаться в морозы.

К своим он так и не вернулся, но они сами – тайком, чтобы не осудили соплеменники, – навевались к нему, просили избавить от болезни или залечить рану. Наверное, черноволосая Куница так и не сказала мужу, что колдовство Снежной Гривы выгнало из ее чрева духа, запиравшего ее семья изнутри. Теперь ее сынишка сидит вместе с другими возле пещеры, с любопытством заглядывает внутрь.

Колдун медленно поднялся на ноги.

– Намочите мох, давайте ему пить, – сказал он женщинам. – Не трогайте голову. Не трогайте ногу. Он выздоровеет. Когда захочет есть – кормите, как малого ребенка. Но пусть не встает на ноги еще половину Луны.

Потом повернулся к знахарю – тот жадно следил за его действиями, запоминал и, как видно, готовился подражать.

– Приходи, – коротко сказал колдун. – Научу. Не опоздай, мне скоро в путь.

Двинулся к выходу, выбрался наружу, постоял немного, собираясь с силами. Оглядел стоявших вокруг людей – они уже не шарахались, не отворачивались от его взгляда. Перед тем как уйти, все-таки предупредил:

– Еще зима и зима. Потом уходите, не ждите паводка. Река придет сюда.

2005 г.

¹ Волга.

² Скала Вислый Камень (Шелехметские горы).

³ Пещера Арфа.

ПРОРЫВ

Щелк! В костре громко треснул сучок. Игла подпрыгнула и радостно захлопала в ладоши:

– Что я говорила! Дочь! Огневица сказала – у меня будет дочь!

– Не раньше, чем ты познаешь мужчину, – сквозь зубы пробормотала Важенка. Она как раз опускала раскаленный камень в плетенку с варевом и боялась расплескать кипяток. Камень зашипел, сильно запахло травами и грибами. Женщина положила палочки, которыми орудовала, как щипцами, и вернулась к костру.

Он сидели там впятером, не считая Важенкиных близняшек. Малышки давно уже крепко спали у огня, укрытые шкурами. Старейшая Мать приняхалась к дыму, посмотрела на вечернее небо. Она знала, что до восхода Луны еще есть немного времени, поэтому не мешала девочкам гадать. Им предстоит серьезное испытание, завтра они станут взрослыми, пусть пока помечтают о счастье, о детях, о благополучной и сытой жизни – это свойственно их возрасту.

Она еще раз оглядела будущих невест. Хорошие девушки подросли, ладные и сильные – такой и она была когда-то, а теперь увяла и сморщилась, как сушеная черничина. Игла все еще улыбалась и что-то мурлыкала себе под нос, как рысенок. Не иначе, уже предвкушает, как будет плясать завтра на весеннем празднике, как выберет себе самого могучего воина и уведет к себе в шалаш. Наверняка надеется, что это будет Лосиный Рог – что ж, неплохой выбор. Рог – удачливый охотник, не состоит с Иглой в родстве. К тому же он один не боится ее острого, как сосновая хвоя, языка.

Сумрачная Задери-Хвост сидит рядом, отводит глаза и, кажется, совсем забыла, что настал ее черед задать вопрос Огневице. Ну конечно, ей замуж не хочется. Ей бы топор каменный и кедровую дубину, да в тайгу, бродить по чаще, выслеживать сохатых и гоняться за волками. Да, это правда, волки-одиночки ее боятся! Однажды она отбила добычу у самой росوماхи и принесла ее в пещеру. Как раз кончалась зима, запасы плодов и сушеного мяса давно истощились, мужчины сутками пропадали на охоте, разыскивали зверя, но зубры и лоси куда-то запропастились. И тут, как на смех, возвращается Задери-Хвост и тащит на спине половину туши оленя.

Что уж говорить о парнях. Сперва они с ней еще борются, пытаются, силой мерялись, копые кидали – кто дальше, но быстро поняли, что бесполезно тягаться. Теперь стоит ей нагнуть голову и глянуть исподлобья – они тут же прячутся, как мыши в норы. На то она и Задери-Хвост – буйная зубрица, а не девушка. Разве найдется для нее пара в наших пещерах?

Белокурая Песчанка... Вот кому бы найти в дальних землях не одного, а двух-трех мужей, чтобы берегли ее жилище, приносили вдоволь мяса и мягких шкур, подарили бы ей много здоровых детишек. Она будет хорошей матерью – ростом высока, крепкая и широкобедрая, грудь упруга, как рыбий бок. И волосы длинные, пышные – согреют малыша не хуже медвежьей шкуры. Только вот отчего они такие светлые, прямо как промытый речной песок? Не иначе, ее мать-тихоня и вправду ходила, несмотря на запрет, к Грозовой Пещере молить о беременности. Или вот Важенка... Ишь старается, варит чародейное зелье. Усердная, старательная помощница, что и говорить. И дочери у нее славные. Сразу двух родила, такое не каждой дано! Она, старуха-Мать, даже простила Важенку за своеволие – виданное ли дело, привела колдуна-мужчину в лагерь, да какого колдуна – Снежную Гриву! Того самого, которого Снеговой отметил, выстудил душу своим смертоносным дыханием, волосы запорошил сединой...

Впрочем, Старейшая тут же справедливости ради напомнила себе, что колдун ничего плохого племени не сделал, раненого мужа Важенки вылечил. Что-то он там еще сказал... Да, сказал, чтобы этой же весной племя снялось с насиженного места, бросило родные пещеры и уходило подальше. Не то, мол, плохо будет, смерть придет в долину вместе с полной водой. Две горы, говорит, поднимаются из утробы Матери-Земли, как два великана. Придет час, заматереют они, захотят биться за любовь девицы-Реки. И тогда она пробежит между братьями, чтобы не случилось у родных кровопролития. Растолкает соперников берегами, ринется сюда, в долину, и тогда никто не спасется.

Тут старуха потихоньку хихикнула. Половодье уже на спад идет, а долина жива-здоровехонька! Обманул, что ли, колдун?..

Хлопотавшая Важенка, конечно, не слышала этих мыслей, но краем глаза заметила усмешку на старушечьем лице. И чего веселится, подумала она. Тут всякому не по себе становится, а ей смешно. Важенка поменяла камни-кипяtilьники в плетенке – горячий из костра в варево, остывший обратно из воды в жар – мельком глянула на спящих дочерей, села вполоборота, чтобы видеть и кипящее зелье, и костер, и сонную долину под обрывом. Стояла тишина, только где-то внизу, на болоте, время от времени вскрикивали птицы. Зашуршали неподалеку кусты, кто-то фыркнул – наверное, лиса пробирается на охоту.

Туман уже плотно окутал низину, застлал, как мягкой шкурой, кочки и зеркальца болот, вершины редких сосен плыли над землей, утопив корни в молочной дымке. Панораму замыкала темная горная гряда, и у Важенки вдруг нестерпимо защемило сердце – так захотелось туда, обратно домой, в уютную безопасную пещеру, к мужу и сестрам. Там теплые шкуры, вкусные орехи и сушеные

ягоды. Как дожидаться завтрашнего дня? Время ползет так медленно! Даже если они тронутся обратно с восходом солнца, раньше вечера до дому им никак не добраться – старуха снова будет отдыхать на каждом шагу. Вот если бы мужчины донесли ее на своих широких плечах!

Но нельзя. Если мужчина подойдет близко к пещере Великой Матери¹ – все пропало, беды не избежать.

Спиной Важенка чувствовала холод, идущий из черного зева пещеры, и заранее поежилась. Неужели снова туда, во тьму и безмолвие?

Она хорошо помнила ту весну, когда ей, юной девушке, тоже пришлось проползти по длинной извилистой норе в глубину священной пещеры, чтобы провести ночь с незримой Богиней. Как хорошо, что сегодня ей нужно только проводить будущих невест к святилищу – и можно сразу вернуться обратно, к жаркому костру и бездонному небу над головой.

И вдруг она почувствовала, как земная твердь под ней еле заметно дрогнула.

Важенка тревожно взглянула на Старейшую, поймала ее взгляд – тоже испуганный и тревожный, хотя старуха тщательно скрывала свои мысли. Важенка сумела услышать их. «Неужели великаны поднимаются?» – билось в голове Старейшей. Впрочем, она быстро отвела взгляд, и Важенка постепенно успокоилась. Тем более что вошла Луна. Старуха будто обрадовалась, что можно забыть о страшном и начать обряд, приказала всем замолчать. Кряхтя, повернулась лицом к кроваво-огнистому диску, принялась раскачиваться и бормотать неясные слова. По ее знаку Важенка достала из мешка берестяной ковш, зачерпнула горячего отвара и по очереди напоила девочек. Села в круг, стала вместе со всеми ритмично хлопать в ладоши и петь древний, как мир, гимн:

– О, Мать-Земля, Великая Богиня, ты мать всех существ, даруй нам жизнь, даруй новое рождение!

Старуха прижала к морщинистым губам варган, и воздух наполнился новыми вибрациями. Важенка чувствовала, как они проникают к ее сердцу и будто протягивают нити-жилки от нее к другим сидящим у костра. Их души постепенно сливались, как весенние ручьи в реку, становились единым воплощением Великой Матери на земле, наполнялись незнакомой пугающей мощью. Она даже почувствовала тепло, как тогда, у постели раненого мужа, когда невидимый огонь тек из белых пальцев колдуна.

Важенка так увлеклась новыми ощущениями, что не сразу поняла, почему ее толкает старуха. Очнувшись, поняла: пора!

Они молча, сохраняя почтительный страх, вступили под своды пещеры. Зал был огромный, свет факела еле касался угловатых плит потолка. Его поддерживала массивная колонна-целик, в сте-

нах чернели отверстия – входы в подземные галереи. Слева от входа известковая скала образовала что-то вроде уютной лежанки высоко, под самым потолком. Оттуда свешивались высохшие венки и гирлянды из трав и мха – это женщины приходили благодарить Великую Мать за новорожденных.

Важенка прошла к дальнему углу зала, где кучей громоздились обвалившиеся камни, и нагнулась. Только тогда стал виден узкий, как лисья нора, лаз – вход в святилище. Обдало сырým ледниковым холодом. Важенка всегда удивлялась, почему в земной утробе так холодно, совсем не так, как у живых женщин? Она встала на колени, приложила палец к губам и прислушалась. Вспомнив, чему учила ее старуха, прошептала:

– Вот несмышленные дети твои пришли. Прими нас во чрево свое да возродимся снова!

Снова прислушалась... То ли почудилось, то ли действительно в подземелье пронесся шипящий вздох. Облегченно вздохнув, Важенка легла на землю и поползла внутрь. Девушки, чуть поколебавшись, последовали за ней.

– Держитесь за ремень, – предупредила Важенка. В норе была кромешная тьма, поэтому Старейшие давно уже, чтобы не сбиться с дороги, протянули по всему подземелью кожаный ремень-путеводитель. «Как пуповина», – подумала Важенка.

Ход, еще более сузившись, изгибался то вправо, то влево. Потом открылась небольшая округлая пещерка – стены и потолок ее густо курчавились инеем. Сзади ойкнула Песчанка – стукнулась лбом о ледяной сталактит. В пещерке они наскоро передохнули и двинулись дальше.

Вдруг ход круто забрал вверх, каменная плоть земли раздалась в стороны, и Важенка кожей почувствовала широкое свободное пространство вокруг. Это и было святилище, называемое еще «Яйцом».

Где-то еле слышно журчал ручеек, успокаивал и убаюкивал. Вода в нем, как она помнила, была вкусная, действительно как материнское молоко, только чуть солоноватая. Присмотревшись, Важенка заметила слабое свечение – оно шло из-под пола, будто там, в глубине бездонного колодца, кто-то зажег костер. Только свет был не красный, теплый, а холодный и голубоватый, как от болотных гнилушек. Так было здесь всегда, но никто не знал, зачем Матери подземный светильник во чреве.

– Вот и пришли, – шепотом сказала Важенка. Нашарила мягкую постель из сухой травы под стеной – нельзя лежать на холодных камнях голышом, – помогла девчонкам устроиться и засобиралась обратно. Перед тем как нырнуть в «родовой путь», предупредила еще раз:

– Пить можно. Разговаривать можно, но тихо. А лучше спите. Утром я за вами приду.

Она исчезла, и девушкам сразу стало боязно. Правда, травяной отвар все еще туманил сознание, притуплял страх, но сон не приходил. Девушки лежали на сене, моргали в темноту и слушали, как звенит водяная струя, проваливаясь в расщелину. Игла вспомнила, что, сидя у костра, так и не получила ответа на волновавший ее вопрос:

– На кого похожа Великая Мать? Как она выглядит?

– Как захочет, так и покажется, – подумав, подала голос Задери-Хвост. – Оленицей суюгной, деревом могучим. Я видела...

Она замолчала, но любопытные сестры затеребили ее:

– Что ты видела? Кого? ЕЕ видела?

– Да нет, – медленно сказала Задери-Хвост. – ЕЕ не видела, помощниц видела.

– Где?

– Вверх по Холодному ручью. Сижу на горе, вижу: женщины бегут через чащу, без плащей, волосы выются по ветру.

– Ну, так это, может, наши были. Люди.

– Какие люди! – уже начиная сердиться, повысила голос рассказчица. Спohватившись, зашептала:

– Они бегут, ногами земли не касаются. Светлые такие, легкие, как солнечные зайчики. Пробежали – и нету их. Ни следа, ни запаха. Помощницы это! Вот как Важенка Старейшей нашей помогала, так и они Великой Матери помогали. Смотрели, все ли в порядке.

Девушки помолчали, обдумывая сказанное. Потом подала голос Песчанка:

– Старухи говорят, давным-давно люди среди богов жили. Вместе. Почему сейчас их не видим? Научили бы нас, как жить.

– Да, почему? – подхватила Игла.

– Не знаю, – призналась Задери-Хвост. – Что я, Старейшая? Ее спроси, она знает.

Постепенно сон все-таки начал одолевать «новопосвященных». Разговор затих, и девчонки, зарывшись в сено, засопели.

...Нарастающий гул услышали не сразу. Не хотелось просыпаться после бессонной ночи. Но пол пещеры вдруг резко трянуло, сверху посыпались камешки. Один из них больно стукнул Песчанку по голове. Она вскрикнула спросонья, вскочила, разбудив сестер.

– Богиня гневается! – в ужасе запричитала Игла. – Надо уходить!

В темноте они с писком заматались по залу, пытаясь на ощупь найти выход, но только натыкались на каменные глыбы. Пещера тряслась от низкого густого рыка, он шел откуда-то снизу. Задери-Хвост споткнулась о ремень-пуповину и растянулась во весь рост.

– Сюда скорее! – позвала она и первой полезла из зала.

Они ползли, стараясь не отставать друг от друга – вместе было не так страшно. Когда миновали Ледяную пещеру, заметили, что

шум стал громче. Он явно шел снаружи. Было похоже, что мимо несется стадо взбесившихся мамонтов, только во много раз громче.

Одна за другой перепуганные девчонки выскочили из лазейки, шурясь от яркого солнца. Оказывается, давно рассвело! Но где Старейшая и Важенка, почему не встречают новорожденных? Почему не радуются, не поют хвалу Богине, как полагается? Почему так пронзительно голосят там, у выхода, почему катаются по земле и царапают лица?

Ничего не понимая, «новорожденные» побежали к выходу и... остолбенели. Мир, который они оставили всего на одну ночь, стал другим. Долина исчезла. Вместо нее, насколько хватало глаз, мчался мутный, вспененный поток. Как щепки, крутились в нем выдранные с корнем сосны, гигантские льдины бились вдребезги и крошились друг о друга. Невдалеке мелькнули широченные олени рога. Великан отчаянно боролся с течением, но стихия не выпускала.

Долина стала рекой, как и предупреждал колдун². Вода простиралась до самых гор, где жило племя, теперь уже недоступное. И площадка, на которой они вчера сидели у ритуального костра, теперь стала крутым берегом. Как же они теперь переберутся на другую сторону, к своим? И... И живы ли свои? А вдруг не успели уйти, захлебнулись в пещерах, застигнутые наводнением во сне? Бедные братья, матери, сестры! Какое горе вместо долгожданного праздника весны!

Осознав весь ужас положения, девчонки тоже принялись рыдать и рвать на себе волосы. Им вторили малыши, до смерти напуганные не столько катаклизмом, сколько непонятным поведением взрослых.

Потом они устали рыдать и долго лежали, обессиленные, на берегу. И только после полудня Старейшая первой пришла в себя. Он с трудом встала, подошла к самому краю обрыва и долго стояла, глядя в даль. Потом обернулась с посветлевшим лицом и крикнула:

– Они живы! Я их слышу вот здесь, – и показала на голову. – Вставайте. Слезы нам не помогут.

– Что нам делать? – простонала Важенка, прижимая к себе дочерей. Они все еще, испуганно всхлипывая, косились на ее расцарапанное в кровь лицо. – Река бесконечна. Мы никогда их не увидим.

– Может, увидим, – упрямо сказала старуха. – Придет зима, река замерзнет. Вернемся назад. А если нет... Значит, так хотела Великая Мать. Будем жить сами. Одни. Вставайте! Пора идти.

2005 г.

¹ Пещера Братьев Грече.

² Прорыв Волги через Жигулевские Ворота отсек Соколы горы от Жигулей.

АКИНАК

Сквозь сон Зарянику почудилось конское ржание. Он пристал, быстро огляделся, прислушался – нет, все кругом спокойно. Тихо поплескивает под берегом Приток¹, лохматые ивы нависли над водой, слились в неразличимую темную стену. Ничего угрожающего в их молчании, никого чужого поблизости. Соловьи примолкли, и даже ночная птица не пискнет, не подаст знак.

Рядом шумно вздохнул Дым. И ему не спится, подумал Заряник.

Небо на востоке, над рощей, уже посветлело, но охотник не спешил подниматься. К чему? Неприлично заявляться в гости спозаранку, тем более, если ты жених и сват в одном лице. До жилища Дубокорня рукой подать, а там главное – успеть положить на воротный столб лепешку с медом и... Только бы не догнали, не всучили бы сладкий подарок обратно. Как тогда вернуться домой, пристыженным и отвергнутым женихом?

Он плотнее закутался в овчину – под утро похолодало – и снова задремал. Нет, не будут догонять. Купене самое время замуж, а он, Заряник, в здешних краях самый лучший охотник – чем не жених?

...Прошлой осенью на ярмарке в Дикой Середине Заряник не столько торговался, сколько приглядывался к соседским дочерям. Не сказать, чтобы почувствовал себя в поре, но уж очень мать просила: приведи да приведи в дом невестку. Я, дескать, уже стара, помощница нужна в хозяйстве, а малым расти еще и расти... На старшего брата тоже надежды никакой: с тех пор как ушла к праотцам его Певунья, он и думать о второй жене не хочет. Вот-вот прервется род!

Как в воду глядела. Зимой брат сломал ногу, да так неудачно, что остался хромым. Кто пойдет за калеку?

Так что Заряник лениво потряхивал искристыми бровьими шкурками, до которых так охочи приезжающие с юга гости, а сам следил исподтишка, как ловко хлопочет у большого костра веснушчатая девушка в богато расшитом наряде. Не иначе, сама старалась, выводила узоры, искусница. Он знал, чей это костер – старого Дубокорня, прозванного так не только за огромный рост и несокрушимое здоровье, но и за мужскую силу. У Дубокорня было семеро сыновей, которые уже давно обзавелись многочисленными семьями, и три дочери на выданье. Купена, самая младшая, приехала на ярмарку впервые.

Вечером, не дождавшись праздника, Заряник подкараулил девушку на тропинке у берега, попросил воды. Отхлебнул из берестяного ведерка, посмотрел ей прямо в глаза (она зарумянилась и отвернулась). Тогда он приободрился и выпалил:

– Что скажешь, если хлеб с медом тебе привезу?

Она ничего не ответила, дернула к себе ведро, расплескав воду, и побежала к костру. Он кинулся было удерживать, но остано-

вился, заметив невдалеке богатырские фигуры Купениных братьев. Уже у костра она обернулась и кивнула ему с улыбкой.

Заряник, вспомнив это сейчас, тоже усмехнулся, но усмешка получилась кривой. Неясное предчувствие мешало отдаться сладким мечтам, и Заряник решил, не мешкая, трогаться в путь. Тем более что совсем рассвело.

Он поднялся, сложил и перевязал плащ, подозвал Дыма, надел на него узду, приторочил к седлу мешок с подарками и замер. На этот раз ему не послышалось. Из рощи, со стороны степи, донеслись голоса и стук копыт.

Степняки, понял Заряник. Предупреждали ведь старшие: не езди один. Летом кочевники возвращаются с теплых зимовок вверх по течению Матери Воды, и любой путник рискует нарваться в дороге на вооруженный отряд. Но ведь еще только весна, никто не ждал степняков так рано.

Может, не заметят? Костра он не разводил, следов и запахов не оставил. Только бы конь не выдал. Заряник нащупал нож, отодвинулся подальше в ивняк, обхватил Дыма за морду:

– Тише, родной...

Дым будто понял, затаил дыхание, стоял смирно. Всадники приближались, переговаривались звонкими голосами. Кто-то беспечно рассмеялся. Не то подростки, не то... Женщины, что ли?

Заряник, забыв об осторожности, выглянул из чащи.

Они спускались по тропе мимо, к воде – три всадницы на маленьких косматых лошадках, три тонкие фигуры в высоких остроконечных шапках. Две, спешившись, побросали на землю оружие, на ходу стащили шапки, кожаные панцири и штаны, подхватили лошадей под уздцы и побежали в воду. Хохоча, принялись брызгаться и бегать по мелководью в одних рубашках.

Третья осталась верхом, только сняла тяжелый панцирь, усаженный пластинами из конского копыта, и с видимым наслаждением потянулась, прогнула спину. Видно, ехали издалека, подумал Заряник. Он смотрел во все глаза и не верил, что эти безобидные на вид девчонки и есть те самые «волчицы», о которых слышал столько страшных сказок. Говорили, например, что степнячки ловят чужих мужчин, заставляют их предаваться любви, а потом срубают головы. Еще рассказывали, что они умеют превращаться в животных, чаще всего в лошадей, что насылают злые чары и что вид у них уродливый, устрашающий и злобный.

Вранье, подумал Заряник. Уж последнее точно вранье. Ничего в них устрашающего нет – девчонки как девчонки, очень даже хороши собой. Особенно эта, на рыжей кобыле. До чего грудь высока, до чего косы хороши – настоящий брововый мех, блестящий и гладкий. И сама статная, бока ладные, руки сильные. Как бы хорошо ее обнять!

Тут он вдруг поскользнулся на мокрой глине и со всего маху шлепнулся наземь. Поднялся истощенный визг. Мимо уха Заряни-

ка что-то свистнуло, и он с удивлением увидел в локте от себя дрожащее древко копыя. Не помня себя, он вскочил в седло и гикнул на Дыма.

Впрочем, конь и сам понял, что пора спасти хозяина, и вихрем помчался через рошу в степь. Сзади орали и улюлюкали, и Заряник, не оборачиваясь, понял, что за ним погоня. Снова мимо пролетело копые, вонзилось в сосновый ствол.

Дым вылетел из леса и пошел размашистым галопом. Только тут Заряник оглянулся и увидел, что его преследует всего одна девица – та, что на рыжей кобыле. Он не стал раздумывать, почему отстали ее подруги, погнав Дыма напрямиком к далекому лесу. В ушах засвистел ветер. Говорят, степняки боятся лесных чащ, зато он, охотник, знает там все звериные тропы, авось сумеет уйти от ведьм, затеряется в дебрях...

Не успел. До леса было еще далеко, когда рыжая догнала его. Дико крича, всадница наскочила, замахнулась мечом. Заряник чудом увернулся, завалившись набок, тут же вскочил, рванул поводья, разворачивая коня, пустил наперерез, как таран. Дым на всем скаку толкнул рыжую грудь в бок, заржал, теряя равновесие. Уже падая, Заряник ухватил степнячку за разметавшиеся волосы и что есть силы дернул к себе.

Они покатались по траве. Заряник перехватил ее руки, прижал к земле, навалился, придавил всем телом. Это уже походило на охоту, и он пришел в себя. Страх исчез, и им вдруг овладела бешеная радость. Он чувствовал, что пьянеет от полынно-горького запаха девичьих волос, от ощущения победы и власти над той, от которой только что удирал без оглядки. Никогда прежде, даже если удавалось голыми руками скрутить матерую рысь или волка, он не чувствовал такого счастья. Степнячка неистово вырывалась, рычала и выла, как настоящая волчица, а Заряник хохотал и продолжал стискивать ее запястья.

– Ох, жарко! Жарко любишь! – выкрикивал он, уворачиваясь от щелкающих зубов. – Замуж за меня пойдешь? Пойдешь?

Она все-таки изловчилась и впилась ему в шею. Заряник вскрикнул, от неожиданности выпустил пленницу, чем она тут же воспользовалась – толкнула его в грудь, схватила выбитый меч, но ударить не успела. Теперь Заряник уже не церемонился. Сорвав с себя пояс, крепко связал дикарку, но заткнуть ей рот кляпом не посмел. Сел, медленно успокаиваясь, перевел дух. Боевой задор покинул его, и Заряник забеспокоился, как бы оставшие девчонки не нагнали с подмогой. Надо было уходить. Он огляделся – Дым спокойно пасся невдалеке, щипал юную травку, но рыжая кобыла ускакала.

Он подозвал коня, не без труда взгромоздил на него свою добычу – она не переставала биться и брыкаться – потом нашел в траве ее короткий меч, сунул его в мешок и зашагал к лесу.

... Погони не было. То ли степнячки не рискнули преследовать врага, опасаясь засады, то ли не нашли его в густой чаще. Сначала Заряник вел Дыма под уздцы, направляясь коротким путем домой. Дав ему отдохнуть после скачки, сел в седло. При этом он неосторожно подставил колено под зубы пленницы, за что тут же поплатился. Уже разозлившись, Заряник грубо замотал ее рот куском собственной рубахи. О сватовстве к дочери Дубокорня он уже позабыл, поглощенной новой мыслью: что скажут мать и брат, когда он вдруг заявится домой с дикой необузданной степнячкой? Не погонят ли с хутора?

Очень может быть. Что ж, тогда придется уйти. Но сначала он, конечно, постарается задобрить мать. Он что-нибудь придумает. Конечно, придумает!

– Примут нас? – весело спросил Заряник, обращаясь не то к коню, не то к лесным духам.

Дым бодро топал по лосиной тропе, кивал головой, будто соглашался.

Лес помалкивал, улыбался загадочно. Сквозь ветки били тонкие, как копыта, лучи, молодая листва радостно тянула к ним ладошки. В траве мелькали желтые звезды горлицы и лиловые соцветия медуницы. Хоть бы дятел пробарабанил, горлинка вспорхнула или заяц перебежал дорогу! Заряник глубоко вдохнул терпкий влажный воздух, настоянный на хвое и прелых дубовых листьях. Ответа он так и не дождался, но ему все равно было спокойно и хорошо, хотелось петь. Он и в самом деле пропел «Плывет по реке серый селезень, зовет к себе свою утицу», как вдруг над головой скрипнула ветка, сухой сучок мягко упал на тропу слева от путников. Заряник на миг смутился, даже приостановил коня. Что бы это значило? Что-то идет не так. Что?

Подумав, он прогнал тревожные мысли и ткнул Дыма в бок пяткой. Ничего, духи ему помогут. Завтра он пойдет к старому дуплистому вязу, принесет ему молока и мяса и попросит, чтобы заступился перед старейшинами.

Когда тропа круто забрала в чащу, к глухому лесному оврагу, он повернул на юг и скоро выбрался на опушку. Во все стороны открылось, сколько хватало глаз, всхолмленное плато, будто чья-то когтистая лапа сгребла земную твердь и смяла ее причудливыми складками. В овражках прятались перелески, подернутые, как дымком, нежной прозрачной зеленью. В бездонной синеве журчали жаворонки. Ветер приносил запах пробудившейся степи, сухой полыни, теплого песка – дурманящий запах, зовущий в далекие странствия. Впереди, где плато понижалось, весело сверкала под солнцем полоска чистой воды, а за ней синела и терялась за горизонтом бесконечная страна островков, заводей и отмелей.

Это и была Мать Воды, огромная могучая река, вдоль берега которой издавна селились лесные люди – предки Заряника. Ему предстояло идти отсюда вверх по течению до завтрашнего дня, до

угрюмой скалистой горы, круто обрывающейся в воду. Над скалами нависал безлесный выпуклый бугор. Будто великан хотел выбраться из-под земли, да так и застрял, выставив на свет лысую макушку. Гору так и называли – Крутое Лбище. Считалось, что Великая Мать-Земля специально исторгла своего чудовищного сына из лона, чтобы он защищал поселившихся на нем людей.

Так оно и было. Прямо над обрывом предки Заряника отгородили узкую площадку и вырыли с трех сторон глубокий ров, насыпали вал, через который еще никто не мог перелезть. С четвертой стороны громоздились отвесные скалы – лицо великана. Правда, за недолгую жизнь Заряника ни ему, ни его родным еще не пришлось бить тревогу при нападении врага, бросать внизу дом и пашню, хватать пожитки и карабкаться на великанову макушку, чтобы держать осаду за земляным валом. Зато рассказывали, что в далекие прошлые времена от нападения диких бродяг погиб почти весь их род. Осталась только прабабка Заряника с тремя малышами. Они спустились по каменной стене в сторону реки и укрылись в небольшой пещерке. Великан все же спас их.

Заряник еще раз окинул взглядом плато – кажется, никого, – двинулся вниз, через заросли сухой прошлогодней травы, уже вытесняемой новой пушистой порослью. Дым радостно зафыркал, учуяв запах воды, застучал копытами быстрее. Нестерпимо захотелось пить.

Он спустился к самому берегу, нашел укромное местечко в овраге, возле мелкой речушки, впадавшей в лоно Матери. Здесь соплеменники Заряника выламывали из обрывистых склонов звонкие желтоватые камни. Они слоились удобными ровными пластинами и отлично годились для растирания зерна в муку. Дома у Заряника тоже была такая зернотерка.

Ниже по течению, как он знал, в скалистом берегу есть глубокая бесконечная пещера, пригодная для ночлега, но никто из племени Заряника к ней и близко не подходил – про пещеру рассказывали страшные и непонятные вещи.

Куда лучше тихая уютная долинка и заросли рогоза у речки. Он осторожно снял свою пленницу с седла, усадил в корнях осокаря, прислонив спиной к бугристому стволу. Отодвинул спутанные волосы со лба, размотал холстину-кляп – она уже изгрызла ее в лохмотья. Постоял, всматриваясь в ее усталое, измятое повязкой лицо. Спихватился, метнулся к воде. Встав на колени, сначала напил сам, потом набрал пригоршню и понес, роняя капли, пленнице. Она молча отвернулась. Тогда он принялся готовиться к ночлегу: пустил коня пастись, набрал сучьев для костра, сложил шалашиком. Достал кожаный мешочек с огненным камнем и кусочком трута, выбил кремнем искру и быстро раздул пламя. Потом отыскал в мешке драгоценный бронзовый крючок с намотанной на него жилкой, бережно расправил ее, насадил подвернувшуюся лягушку, скороговоркой прошептал заклинание и забросил в воду. Все это он

продельвал ловко и споро, как всегда, но сегодня какая-то неловкость сковывала его руки. Даже повернувшись спиной, он чувствовал на себе мрачный, исподлобья, взгляд и волну сдержанной ярости, которая исходила от степнячки. Она давно уже не билась, не пыталась разорвать путы, сидела молча и неподвижно, не сводя глаз с похитителя. Чтобы хоть как-то разбить это невыносимое молчание, Заряник начал говорить. Он знал, что степнячка не понимает ни слова, но говорил и говорил, боясь, что не хватит слов и молчание вновь навалится на них, как тяжелый камень.

– Завтра будем дома, – поворачиваясь к ней, он махнул рукой на юго-восток, вдоль берега. – Уже недалеко. Ты не бойся, моя мать добрая. Она тебя примет.

Ты есть хочешь? Сейчас рыбу поймает и будем сыты. Ты рыбу любишь? А еще у меня хлеб есть и мед – сейчас туюсок достану. Будем сыты, отдохнем, наберемся сил и поедем домой.

Ты не сердись, что я тебя связал. Я не хотел с тобой драться. Зачем драться? Я знаю, ты не злая. Будешь меня любить? Я тебе подарю витые серьги, стеклянные бусы – я их выменял на ярмарке осенью. Их привезли издалека. Оттуда, где всегда тепло и вода соленая, как кровь. Ты никогда там не была? Говорят, твои сестры и братья каждую зиму уходят туда. Говорят, там край земли, там Мать Воды становится соленой и разливается шире земли. Это правда? Что ты молчишь? Правда?

А у нас зимой холодно, снег идет, река замерзает. И ты замерзнешь, если будешь молчать и сидеть вот так в одной рубашке. Я тебе принесу волчью шкуру, будешь носить зимой. Она греет, как огонь. У меня дома всегда есть огонь. Тепло дома, хорошо. И еда всегда есть. Много еды. Творог, каша, хлеб. Моя мать тебя научит варить кашу. Она тебя всему научит, ты только не сердись. Не дерись больше!

У нас дети будут. Много детей! Мы их назовем именами птиц и деревьев, именами солнечными и водяными. Тогда духи будут им помогать, беречь от зла и болезней.

Тебя как зовут? Меня Заряник, я на утренней зорьке родился, она меня зарумянила и силой напитала. Так мать говорит.

А как я тебя буду называть? Знаю! Ты будешь Краса – пусть домовые видят, что тебя зовут нашим именем, пусть думают, что ты наша, а старое имя забудь. Не то домовые тебя прогонят, они чужих не любят...

Продолжая разглагольствовать, Заряник вытащил свою удочку, снял с крючка маленького сомика, наскоро пробормотал благодарность, затем выпотрошил рыбину костяным ножом, выбросил внутренности в воду, снова сотворив заклинание.

Костер уже прогорел, и Заряник чуть не опоздал положить улов в горячую золу, предварительно обмотав его молодыми листьями лопуха. Сел, вдохнул горький запах дыма, взглянул поверх тлеющих углей на свою Красу. Она все так же молча, сжав губы,

смотрела на него недобрый взглядом. Почему-то отяжелела голова, начали слипаться глаза. Потом вдруг наплыли видения: кони скачут сквозь высокую траву, вьются длинные гривы... Или это волосы, темные и блестящие, как бобровый мех?

...Громкое ржание выдернуло его из глубины сна. Он вскочил и не сразу понял, что случилось. Солнце стояло высоко над горизонтом, разгоня последние клочья тумана, вода ярко блестела под лучами, зола в костре давно остыла и побелела. Но главное – он был один, не считая верного Дыма. Степнячка исчезла, лишь обрывки пут валялись по всей лужайке. Земля вокруг была истоптана чужими копытами, будто беглянка и впрямь превратилась в кобылу. Не иначе, ее рыжая прокралась следом и увезла хозяйку обратно, к своим. В отчаянии Заряник опустил на землю, обхватил голову руками и застонал, как от боли. Потом долго сидел неподвижно, без мыслей и чувств. И только когда стал собираться в обратный путь, взглянул на плащ, кем-то заботливо свернутый и уложенный ему в изголовье. В курчавой шерсти по рукоять утонуло острое лезвие меча-акинака. Того самого, который достался ему трофеем во вчерашней схватке. Он потянул за рукоять, осмотрел оружие, выкованное из странного металла – серовато-сизого, влажно и недобро блестящего, как речная вода в грозовой день. Или как гневные глаза степнячки. Он видел такие всего раз или два, но никогда прежде железное оружие не касалось его руки.

По узкому, обоюдоострому клинку шел еле заметный валик, рукоятка плотно обмотана кожаными ремешками, а перекрестие развернулось в стороны, как невиданные крылья или завитки лопнувшей почки. Только не молодые лепестки и не листья вытянулись из этой почки, а остро заточенное, смертельно опасное лезвие. Все, что осталось от вчерашней встречи.

– Не такого подарка я от тебя хотел, – вслух простонал Заряник. – Вот бы пояс ты мне подарила расшитый, какие невесты дарят...

Он хотел было зашвырнуть акинак в воду, но потом передумал. Бережно завернул в обрывок кожи и уложил в мешок².

2005 г.

¹ Р.Уса.

² Кочевники-савроматы никогда не жили на Самарской Луке. Но в краеведческом музее г. Тольятти хранится савроматский акинак, найденный возле горы Лбище.

ЗВЕЗДА

I

Ему снилось, будто земная твердь стала зыбкой и податливой, как вода – он свободно плыл, плыл по ней, покачиваясь на волнах. Но вдруг чьи-то зубы безжалостно вонзились снизу...

«Больно! Страшно! Мама!»

С криком он проснулся и увидел себя там же, куда угодил вчера вечером – по самую шею в холодной каменной ловушке.

Мать шумно задышала, обняла его шею хоботом и ласково загнула в ухо.

«Я с тобой».

Он не смог бы объяснить, что с ним случилось, потому что не умел ни говорить, ни думать. У него даже имени не было – ведь он был всего-навсего маленьким слоненком. Но смутные картины вчерашнего дня все еще жили в его звериной памяти.

...Еще утром ничто не предвещало беды. Стадо неторопливо двигалось вдоль берега на закат. По одну сторону дороги блестела на солнце водная гладь, усеянная бесчисленными островками, отмелями и торчащими клыками скал. По другую плавно поднимался вверх склон плоскогорья, ходила волнами под ветром высокая трава. Вдалеке панораму замыкала ломаная линия горной гряды. Путь то и дело перерезали извилистые лиманы, овраги и отмели, заваленные галькой. Старая самка, предводительница стада, первая подходила к переправе, осторожно пробовала воду ногой, трогала хоботом и смело бросалась вплавать. Взрослые слонихи вздыхали и коротко потрубливали, подзывая заигравшихся детей.

Архидискодоны возвращались с полуострова на «большую сушу». Было вообще большой ошибкой пускаться в такое рискованное путешествие с маленькими слонятами, но выбора не оставалось. Предводительница понимала, что надо срочно искать для стада новые земли. За всю ее долгую жизнь трава на пастбищах еще никогда не была такой жесткой и невкусной, а ночи такими холодными. Инстинкт гнал ее на юг, но путь туда был отрезан – там шумело море¹. Правда, невдалеке от их привычных мест в море вдавался узкий длинный язык суши² – почему бы не пойти по нему на восход солнца? Может быть, там есть проход в теплые земли, богатые сочной травой?

Как выяснилось позже, решение было неудачным. Потратив много дней на переход по плоскогорью, стадо вышло на скалистый мыс. Суша оказалась полуостровом. Взрослые были обескуражены и сбиты с толку, но малыши, не понимавшие, в чем дело, с

восторгом смотрели с высоты обрыва, как далеко внизу грохает в скалы пенный прибой. На мысу свистел соленый ветер, брызги взлетали высоко вверх и слепили глаза, и до самого горизонта, куда ни глянь, расстилалась безбрежная синяя равнина. Над волнами кружили стаи птиц, похожие издали на клочья пены, и вдруг из пучины всплыла чья-то широченная, как остров, спина. Это невиданное живое существо было намного крупнее, чем самый большой слон. Пораженный слоненок смотрел, как существо выплонуло фонтан воды, хлопнуло громадным хвостом, подняв стену брызг, и снова ушло в глубину. Старая слониха затрубила, призывая в обратный путь...

Они шли по противоположному, более пологому берегу полуострова, где в речушках и ручьях было вдоволь пресной воды и жирной глины, чтобы защититть себя от насекомых. Ночью спали на траве, а в жаркий полдень останавливались на короткий привал и отдыхали в тени деревьев. На одной из таких дневок и случилось несчастье. Пока взрослые старательно обливались жидкой грязью, мальши затеяли беготню на прибрежной отмели. Было так весело гоняться друг за другом, прыгая по камням и скользя по глине. Невдалеке от берега лежала огромная песчаниковая плита, вся расколота глубокими трещинами. Слоненок вскарабкался на нее и помчался по гладкому камню... Прыгая через трещину, он неловко остушился и провалился по самые уши.

Еще не успев испугаться, дернулся, но камень не отпускал. Слоненок начал что есть силы рваться и отчаянно завопил.

Подроспела мать, опустилаь на колени и принялась ощупывать его хоботом. Попыталась подхватить под брюхо и вытащить, но слоненок опять закричал, уже от боли: ноги намертво заклинились между камней. Стадо сгрудилось вокруг ловушки, все смотрели сочувственно и понимающе, но помочь никто не умел. Все попытки вытянуть малыша из плена приводили лишь к тому, что он увязал все глубже и глубже. Зажатые ноги отекли и налились тупой болью, ободранный бок саднил, вдобавок очень хотелось пить. Наконец он устал бороться, положил голову на край трещины и тихо заплакал. Стадо заволновалось. Старая слониха долго стояла в нерешительности, но инстинкт самосохранения победил: она коротко протрубила и повернулась к пленнику спиной, всем своим видом показывая, что пора идти. Детеньшу уже не помочь, надо думать об остальных. Стадо качнулось за предводительницей, но слониха-мать даже не пошевелилась. Стояла неподвижно на самом солнцепеке и загораживала сына от зноя. Она не обернулась даже тогда, когда собратья один за другим двинулись в путь.

К вечеру слоненок совсем обессилел. Лежал в полузабытьи и старался не шевелиться: каждое движение отдавалось во всем теле острой болью.

Когда стемнело, пришла новая угроза. Где-то вдали, перекрывая хохот гиен, послышался звериный рев. Повторился уже ближе и громче, потом раздался еще один голос с другой стороны. Запахло хищником, и в темноте зажглись четыре зеленых глаза.

Тигры!

Мать грозно затрубила, растопырила уши и ринулась в атаку. Тигры метнулись прочь, но не ушли. Устроились где-то в кустах и, видимо, решили подождать своего часа.

Ждать им оставалось недолго.

Утром слоненок уже не смог поднять голову. Безучастно смотрел, как розовеет вода в лимане, как бежит к берегу ясная солнечная дорожка.

Ни он, ни мать не заметили, в какой миг все переменилось. Высоко в небе сгустился перламутровый туман, потом из него стали медленно проступать очертания громадного предмета или существа. Непонятное нечто распостерлось во все небо, как грозная туча, но – удивительное дело! – оно не загораживало света, солнечные лучи просачивались насквозь, как через редкую листву. Там, в вышине, что-то двигалось медленно и плавно, колыхалось, будто крылья гигантской птицы или морские волны. Затем из брюха тучи до самой земли протянулись тонкие изогнутые лучи, переплелись между собой, как лианы, образуя купол, похожий на низкое небо, и внутри него замерцали звезды.

Но что самое удивительное – слоненок внезапно почувствовал огромное, невероятное облегчение. Куда-то ушла, растаяла боль, утихла жажда, исчез страх. Он не понял – то ли кости вдруг стали тонкими и гибкими, то ли жесткий камень податливо расступился, как в недавнем бреду, но ловушка больше не держала его. Неведомая сила мягко приподняла малыша над землей и перенесла в тень кустов, за пределы купола. Со спокойным удивлением он заметил, что мать стоит рядом. Глаза ее были прикрыты, как в полудреме.

Из светящегося переплетения лучей выплыли два существа. Они держались вертикально, как медведи, вставшие на дыбы, но двигались, как рыбы в воде, будто воздух был для них слишком плотным. Они не вызывали ни страха, ни беспокойства. Наоборот, от их присутствия слоненку стало хорошо и уютно, словно в родном стаде под защитой взрослых. Не касаясь земли, существа подплыли ближе. Сквозь их тела просвечивали камни и листья, а сами они напоминали солнечную дорожку на лимане – такие же сверкающие и зыбкие. Слоненку вдруг захотелось спать, он с наслаждением вытянулся на траве и, уже закрывая глаза, успел увидеть, как гигантский купол медленно тонет в земле, уходит в нее глубже и глубже. Звезды искристой росой падали на песок и бесследно исчезали в нем, будто просачивались...

Когда он проснулся, уже вечерело. Мать тормозила его хоботом, звала догонять стадо. Нужно было спешить – поблизости снова пахло тиграми.

II

...Анисса внесла в избушку охапку дров, бросила их у очага и облегченно вздохнула. До утра этого хватит. Дневные заботы на сегодня закончены – можно заняться любимым делом. Она села поближе к огню, растянула на коленке холст с вышивкой, снова полюбовалась на контур будущего узора. Хорошая получится звездочка – ровная, гладкая, стежок к стежку. Скоро она будет носить на груди не одну, а две вышитые звезды, как и подобает замужней женщине. И девичью бисерную шапочку-тухья уберет в сундук, а вместо нее закутает голову узорчатым сурпаном. А главное – уедет далеко-далеко из родной деревни, будет жить на высоком берегу, в новой семье, с мужем...

Жаль отца – один старик останется, нет у Аниссы ни братьев, ни сестер. Вон он сидит на чурбачке возле очага, ковыряет кусок березового капа – ковшик вырезает. Работает, а сам голову низко-низко опустил – видно, думки-то нелегкие... Отец уже говорил, что как выйдет Анисса замуж, так и пустит он в избу многодетного племянника – чтобы без детишек дым очага не остыл.

Впрочем, это будет еще не скоро – на будущий год. А пока надо трудиться не покладая рук – вышивать рубахи, сурпаны, поясные подвески-сара... Много надо приготовить просватанной девушке, чтобы потом не стыдно было перед новой родней, чтобы не сказали – мол, неумеху взял за себя Авантей.

Хорошо еще, свадебный наряд у нее готов – и рубаха, и покрывало еще от матери остались. Ох, и хороша рубаха – из дорогого льна соткана, а не из конопли, сплошь рисунками-письменами покрыта. Анисса, вспомнив о ней, тихонько запела:

– Надела я рубаху белую,
Рукава и подол в письменах.
Я узор рукавов читала –
Надо вечерком прийти.
Я узор на подоле читала –
Прийти надо рано утром...

Ох, матушка родная, что ж ты так рано улетела от нас, не научила дочку старинные руны читать... Анисса вздохнула, сморгнула внезапную слезинку. Нет, не подведет она свою мать-мастерицу. Худо-бедно, а разбирать узоры может. Вот на конце рукава день за ночью торопится, год за годом бежит, и до самого плеча растет Дерево, на котором мир стоит. Как плодородно то дерево – так

плодородна будет хозяйка, что рубаху носит. На груди звездочка, крест двойной – это Солнце с востока на запад по небу катится. Его огненная сила даст много молока матери, чтобы дети ее росли крепкими и здоровыми. Пояс свадебный выткан знаками пахотной земли, а рядом сеятели – они год за годом на пашню зерна бросают, чтобы вырос богатый урожай. А по подолу бежит радуга-дуга – это родовой знак предков отца. Под ним знак избы о четырех углах – это память о матушкиных родичах.

Больше Аниссе пока не прочитать, но не беда – бабушка Нарпике поможет, она тоже знает древнюю грамоту. И Аниссину работу поправит, если что не так.

Где-то на другом конце деревни залаяли собаки. Отец всполохнулся, быстро приоткрыл дверь и прислушался. В избушку глянула синяя ночь, шустро вкатился морозный клуб, побежал по полу и растаял у огня. Собачий брех становился все надсаднее, потом вдруг прервался коротким взвизгом. Было слышно, как кто-то громко ругается.

– Чужие идут, – тревожно сказал отец. – Не иначе, опять жегули. Вот ведь повадились, беда! Ты бы спряталась, дочка. Как бы не обидели они тебя. Беги на сеновал, в сено заройся. Я им хлеба дам, меду, если придут.

– Ничего, отец, не бойся. Не придут они к нам. Что у нас взять? Зайдут к дяде Чуракаю, у него изба богатая, хлеба много.

– Не за себя, за тебя боюсь, дочка. Иди, пока они далеко.

Анисса послушно накинула полушубок и выбежала во двор. Скрипнул снег под валенками, от мороза перехватило дыхание. Она на секунду остановилась, закинула голову и прислушалась. Высокое замороженное небо все усыпано мохнатыми звездами, среди них повис узкий полупрозрачный месяц. Соседские избышки глубоко утонули в снегу, над соломенными крышами неподвижно стоят столбы дымов, пахнет навозом, теплым хлебом и парным молоком.

Вдоль улицы плывут два огонька – факелы. Надо же, не поленились добираться сюда из лесу в такой мороз, по глубокому снегу! Видно, очень проголодались.

Чего доброго, и вправду придут сюда. Анисса запахнулась в полушубок и побежала по тропинке – но не на сеновал, а в кладовую. Там у нее была тайна.

...Она появилась прошлой весной, незадолго до праздника моления Керемети. Как-то раз Анисса спозаранку отправилась в лес – набрать молодой крапивы и щавеля для похлебки. Утро было теплое, но пасмурное, сосны на вершинах гор шумели хмуро и неласково, ветер приносил из оврагов запахи последнего снега, сырой земли, прелой листвы и первой травы – будоражащие запахи жизни, проснувшейся богини-земли. Долина, в которой спрята-

лась деревушка Чуракаева, узким желобом вытянулась между гор с запада на восток. Кругом стояли глухие леса – бесконечные чащи до самого края земли. Анисса, шагая по дороге к околице, поглядывала по сторонам и примечала: северный склон еще сонный, бурый, а южный уже чуть-чуть подернулся зеленой дымкой. На кочках мерцали созвездия гусиного лука, голубели пушистые груды сон-травы, окропленные росой. Выше по склонам белели стволы берез – они уже начали окутываться прозрачной листвой. Издали казалось, что березы тлеют нежным зеленоватым пламенем. Анисса любила эту короткую пору, когда горы становятся разноцветными, как осенью: светло-зеленые березки, желтоватая орешина, темная сосновая хвоя. На дубовые кроны ложится еле уловимый фиолетовый оттенок ранних сумерек, а внизу, под деревьями, будто рассыпались драгоценные бусы – это первоцветы надели свадебный наряд. Пройдет совсем немного времени – и отцветут ветреничка и медуница, плотная зелень скроет все лесные тайны.

Разглядывая горы, Анисса не заметила, как миновала околицу, и вдруг услышала странный звук. Будто кто-то поет горлом – журчит ручейком, шумит веселым дождиком. Она остановилась и осмотрелась. Никого. Прислушалась – и вздрогнула: песня доносилась из оврага, в котором таился от посторонних глаз алтарь богини Кереметь.

Анисса подумала и осторожно пошла к оврагу. Там было прохладно и сыро, под лаптями чавкала непросохшая глина, кое-где лежал нерастаявший снег, и сквозь него пробивались острые травяные иглы. В стороне от тропки показался гигантский вяз – корявый, дуплистый, похожий на древнего сгорбленного старика. На нижних мощных сучьях белели бычьи черепа – следы былых жертв, на ветках виднелись обветшавшие от времени обрывки лент. Это и был алтарь.

Анисса почтительно остановилась в отдалении, низко поклонилась дереву и прошептала молитву. Ей еще не приходилось бывать здесь в неурочное время, без старших, и она не знала, как себя вести, чтобы не прогневать богиню. На всякий случай девушка еще раз помолилась и добавила:

– Матушка Кереметь, прости меня за дерзость. Сама не знаю, зачем я к тебе забрела.

Будто в ответ, в корнях вяза что-то шевельнулось. Анисса вскрикнула от неожиданности и хотела убежать, но «что-то» оказалось совсем нестрашным вороном. Он не спеша расправил крылья, искоса глянул на Аниссу и вдруг булькнул горлом – будто камешек бросил в воду.

– Это ты здесь пел? – спросила Анисса.

Ворон хитро моргнул, ссутулился и неторопливо пошел в чащу. Отойдя на несколько шагов, остановился и снова глянул на Анису, будто звал за собой. Она пошла следом. Крутая тропинка вела вверх по склону, но вскоре оборвалась возле свежего оползня. Недавние весенние потоки размыли и обрушили вниз толстый пласт известняка. Из-под каменного завала выбивалась тонкая родниковая струйка. Анисса очень удивилась: она ни разу не слышала о роднике в святилище Керемети и с трепетом подумала, что это важный знак. Девушка благоговейно опустила на колени и потрогала воду ладонью. Вода была холодная, как лед.

Анисса оглянулась – где ворон? – но его нигде не было. Зато на известковой стене вдруг затлел голубоватый свет.

– Это ты, матушка Кереметь? – робко спросила Анисса.

Свечение усилилось. Оно будто приближалось, проступало сквозь камень, прожигало его насквозь, и камень казался прозрачным льдом. Наконец, среди каменных плит повисла, подрагивая лучами, самая настоящая звезда. Что-то щелкнуло, и лучи погасли. К ногам остолбеневшей Анисы скатился кусок странного белого металла.

«Возьми его», – сказал кто-то. Она медлила, не смея прикоснуться к чудесному дару.

«Возьми, – повторил голос. – Спрячь и никому не показывай. Он отведет от тебя беду».

Анисса медленно, как во сне, подобрала слиток – он был теплый, как живое существо, и сиял, как солнечная дорожка на воде.

...Конечно, в то утро ей было уже не до крапивы. Драгоценный подарок богини она завернула в чистое полотно и положила в берестяной туесок. Туесок был надежно упрятан в кладовку, за кадушку с медом. Анисса каждый день потихоньку наведывалась туда и проверяла, удобно ли ему там отдыхать, не погрызли ли бересту вездесущие мыши.

А сейчас... Как бы не нашли разбойники ее оберег!

Надо его перепрятать, унести на сеновал...

Нет, поздно!

Она прижала туесок к груди, затаилась и стала слушать.

Чужие шаги во дворе. Кто-то постучал кнутовищем в стену избушки:

– Эй, хозяйева, есть тут кто?

Стукнула дверь. Кажется, вошли... Анисса хотела уже шмыгнуть на сеновал, но непрошенные гости снова вышли во двор. Путь к бегству был отрезан.

– А говорят, у тебя дочка есть, – громко сказал кто-то. – Чего ж ты ее от гостей хоронишь?

Отец что-то тихо ответил, Анисса не расслышала. Заскрипел снег под грузными шагами, дверь кладовки открылась. Свет фа-

келов ослепил девушку, она зажмурилась и услышала, как один из разбойников присвистнул, а другой захохотал.

– Вишь ты, схоронилась! Ну, доброго вечера, красавица! Принимай гостей!

Анисса поморгала, крепче прижала к себе туесок. Гости стояли у дверей, оглядывая кладовку. Они были высокие и плечистые, оба одеты в длинные тулупы и высокие бараньи шапки, отделанные красным, у обоих на поясе висели сабли. Похожи, как братья, только у одного борода рыжая, а у другого черная с проседью. И пахло от обоих одинаково – пещерной сыростью и табаком.

– Да ты не пужайся, красавица, не обидим, – ухмыляясь во весь рот, продолжал рыжебородый. – У нас денег много, вам с отцом на всю жизнь хватит.

И позвенел тугим кошелем.

– Эй, Фрол! – окликнул его седой. – Не шали, брат, мы не за этим пришли.

Но рыжебородый уже шагнул вперед, протягивая к Аниссе руку. Глаза у него нехорошо заблестели.

– Не троньте девку, сирота она, – отец попытался загородить Аниссу от разбойников, но рыжебородый оттолкнул его к стене.

– Не засти, старый хрыч!

Отец споткнулся, ударился головой о косяк и слабо охнул. Анисса тоже вскрикнула и кинулась к нему. Только сейчас разбойники заметили у нее в руках туесок.

– А ну-ка, что это у тебя, красавица? Никак, клад нашла? Да покажи – небось не отыщем!

Рыжебородый уцепился за бересту и потянул к себе. Анисса не отпускала, и тогда он принялся один за другим разгибать ее пальцы – без усилий, будто играючи. Анисса хотела было укусить его за руку, но вдруг услышала тихий голос:

«Отдай».

Она на миг замерла, посмотрела в лицо рыжебородому. Он, видно, ничего не слышал и продолжал с хохотом выдирать туесок.

«Отдай, – повторил голос. – Ничего не бойся».

– Да кажись, и не серебро, – с сомнением сказал один. – Вишь ты, чижолое.

– И не железо, – добавил другой. – Глянь-кось, ржа-то его не тронула. Чудо, ей-бо!

– Слышь-ко, красавица, – повернулся к Аниссе рыжебородый. – Ты откудова его откопала? Ась? Наколдовала, поди?

Анисса молчала. Она выпустила туесок, и слиток, блеснув в свете факела, со стуком упал на пол.

– Неуж серебро? – разбойники одновременно бросились поднимать, стукнулись головами и, потирая лбы, принялись разглядывать находку.

– Да отвязьжись ты от нее, – с досадой буркнул седой. – Глянь, блестит-то как.

– Слышь, Кузьма, – не унимался рыжебородый. – Давай-ко его заберем. Об заклад бьюсь – непростое это железо. Я его Никитке-пушкарю снесу...

И, наклонившись к уху товарища, заговорил тихо и настойчиво. Видно, сказанное пришлось седому по вкусу, он ухмыльнулся в бороду и ткнул рыжего кулачищем:

– Ладно придумал!

Сунул слиток за пазуху, взял кошель и бросил его под ноги Аниссе:

– Не гневайся, хозяйка, вот тебе за хлеб, за соль!

Кошель раскрылся, монеты высыпались на пол. Анисса не смотрела на них. Она глазами провожала уходящих разбойников и ждала, что оберек скажет ей что-нибудь на прощание. Но он молчал.

III

«Привет из глубин космоса», – прочитала девушка, засмеялась и нацелилась на витрину фотоаппаратом. – Это правда? Он из космоса?

– А, по-моему, это просто пушечное ядро, – сказал юноша с негритянскими косичками.

Хранитель музея улыбнулся как можно загадочнее. Выдержал эффектную паузу и сказал:

– Очень может быть. Этот шар нашел дачник у себя на огороде в Малой Рязани. Копал грядки – а там слой почвы, сами знаете, тонкий, и под ним известняк. Дачник лопатой выворотил глыбу и отбросил ее в сторону. А надо сказать, что он по специальности геофизик – ну, и заметил нечто странное. Вроде глыба такого размера должна быть малость полегче. Не поленился, подобрал ее и расколочил лопатой. Внутри нашел вмурованный металлический шарик. Как орешек внутри конфетки.

– Ой, как интере-есно! – протянула девушка с фотоаппаратом. – А как он туда попал?

– Видимо, долго лежал на грунте. Под собственным весом стал постепенно тонуть в нем, а потом оброс известковыми отложениями.

– А почему вы думаете, что он из космоса? – спросила другая девушка, включая диктофон.

– Видите ли, мы сделали анализ и выяснили, что шарик отлит из никеля с примесью железа. Сплавы с никелем люди научились делать сравнительно недавно, для них нужна очень высокая тем-

пература, а шарик был покрыт толстым известковым слоем. Ему явно не одна сотня лет. Мы, конечно, можем предположить, что это действительно пушечное ядро – ну, скажем, времен волжской вольницы. Но тогда непонятно: каким образом его изготовили, не имея соответствующих технологий? Рискну заявить, что это метеорит. То есть оружейник не изготовлял сплав – он буквально свалился с неба. Готовый железо-никелевый сплав уже не требует столь высокой температуры для отливки, так что неизвестный мастер вполне мог переплавить «небесное железо» в ядро и пальнуть им из пушки по купеческой барке... Только пушкарь, видно, промахнулся. Шар-то нашли на берегу...

2008 г.

¹ Акчагыльское море покрывало большую часть территории Среднего Поволжья в эпоху плиоцена (5-2 млн. лет тому назад).

² Будущая Самарская Лука.

МОРГУЛЮТКИН КЛАД

– Лис, ты где там? Не отставай!

– Счас, куртку сниму, – отозвался Костик, осторожно снимая рюкзак. Скатал ветровку, убрал в клапан, потом нагнулся, чтобы завязать шнурок на кроссовке. Выпрямляясь, заметил в траве причудливую коряжину. Как раз такую он искал, чтобы смастерить Светке подарок.

Костик сошел с тропы, поднял коряжину и стал внимательно ее разглядывать. Сухой сосновый сучок изогнулся, будто драконий хвост, чешуйки коры отливают смуглой медью. Настоящий Змей Горыныч, даже и придумывать ничего не надо – только чуть-чуть подправить. Вот здесь, на месте излома, вырезать открытую пасть, укрепить в ней лампочку, а боковые сучки превратить в растопыренные лапы – получится замечательный светильник.

– Ли-ис! Ты идешь? – снова позвал Димка, уже издалека. Вся группа уже скрылась за деревьями.

– Да иду! – Костик шагнул назад, хотел было сунуть находку в рюкзак и... остолбенел. Рюкзак исчез. Причем не только он – вместе с рюкзаком исчезла и тропа. Там, где он только что завязывал шнурки, зеленела непрямая трава. Костик моргнул, протер глаза и осмотрелся. Нет, он не ошибся. Вот он, скалистый бок горы – прячется за дубами справа. А слева тянется глухой овраг, заваленный буреломом. Где же тропа?

– Эй, Диман! – крикнул Костик. Ему никто не откликнулся. Что за черт!

Костик заметался. Не может такого быть, отчаянно твердил он себе. Вот же здесь она должна быть, эта чертова тропа, здесь, между кустами шиповника, он всего-то на пару шагов отошел в сторону... За корягой ломанулся! И далась ему эта коряга! Куда вот теперь идти? И Диман тоже хорош! Нарочно молчит, чтобы его побесить! Сам же вчера у костра травил байки про леших – мол, они тебе глаза отведут и в чаще закружат, пока совсем не заблудишься.

Бред какой-то! Какие лешие? Двадцать первый век на дворе! Город рядом!

Так, спокойно, сказал он себе. Подумаешь, первый раз пешком идет на курган. В походах-то уже бывал. И здесь не глухая тайга, до Жигулевска всего-то километра четыре. Впрочем, он туда не пойдет – на хватало еще, чтобы его, как распоследнего чайника, на смех подняли. Нет, он найдет дорогу и доберется до Молодецкого кургана, как ни в чем ни бывало... Только вот успокоиться надо, прийти в равновесие.

Костик остановился, глубоко вздохнул и медленно сосчитал до десяти. Обычный способ на этот раз не подействовал. Тогда он, махнув рукой на равновесие, снова принялся ози­раться. Если идти вдоль оврага, держа утреннее солнце по левую руку и немного сзади, рано или поздно упруешься в берег бухты. От него до кургана рукой подать. Можно еще подняться на гребень горы – так будет надежнее, сверху лучше видно, куда идти.

Через полчаса он, исцарапанный и запыхавшийся, стоял на вершине. Увы, положение ничуть не улучшилось – кругом молча хмурился все тот же непроходимый лес. Глухо шумели вековые сосны, под ними почти смыкались кронами вязы и липы. Костик заметил между стволами небольшой просвет и с надеждой двинулся к нему, по пояс увязая в густой траве. Странно: внизу, в ущелье, трава совсем еще нежная и невысокая, где-то по щиколотку, а здесь разрослась мощными дебрями, как в июле.

В просвете оказалась уютная полянка, вся заросшая приземистой вишней. С нее открылся вид на совершенно дикое урочище – ребристые склоны гор столпились в кучу и образовали что-то вроде глубокого котла. В другое время Костик непременно бы достал этюдник и посидел здесь с полчаса, любуясь, как синеют лесные дали, уходящие за горизонт, и как парит в небе одинокий орлан, но сейчас его мучило смутное подозрение. Что-то не так, что-то неправильно. Трава... Да, трава слишком высокая, но это не главное.

Вишня! Как странно – у бабушки на даче она только-только растеряла лепестки, а здесь... Он опустил глаза и оцепенело уставился на ветки с блестящими листочками, усыпанные спелыми багровыми ягодами. Что ж, тут аномальная зона, могла и вишня созреть в мае. А вот солнце...

Полчаса назад оно поднималось с востока к зениту, а сейчас со скалистых горных ребер протянулись на дно «котла» четкие тени, небесная голубизна поблекла, а воздух наполнился золотистым закатным светом. Вечерет.

Бред, снова сказал себе Костик. Вот сейчас проснусь – и увижу себя дома, на родном диване, и Петрик будет мурлыкать под боком, и все снова станет простым и понятным...

Ну почему мне дома не сиделось?

Сзади тихонько хрустнул сучок. Кто-то крался к нему по чаще. Костик стремительно обернулся, почти обрадовавшись – может, кто-то из своих догоняет? – и снова, в который уже раз, замер...

...Ерема зажал в кулаке цветок и уселся поудобнее. Хотя, какой там, к лешему, цветок – так, шишечка мудреная... И она помогает клады открывать? Поглядим, однако!

Ежели не соврал Прошка-Щелок, быть ему богатым еще до завтрава. А уж Прошке верить можно: он мужик надежный и знает страсть сколь – недаром из поповичей. Сирота Ерема в отрочестве тоже монастырских щей похлебал, покуда братья его на воровстве не спымали да взашей не выгнали, и даже, было, грамоте стал обучаться, да только где ему с Прошкой тягаться. Это он, Щелок, научил Ерему еще зимой: дескать, заприметь в дубраве, где растет спрыг-трава, пойди туда в ночь на Купалу и стереги, покуда шишечки-почки не лопнут. Они вишь какие: прямо под листьями хоронятся, не всяк их и отыщет. А вот как лопнут – не жди, покуда семена просеются, хватай цветок да в тряпицу белую заверни. Опосля в праву сторону повернись и беги домой, чего бы ни мерещилось. А уж со спрыг-травой тебе любой клад откроется, только с вечера иди на вершину, сядь под кривую березу да жди полуночи. Коли не сробеешь, будет тебе клад – токмо не зевай, хватай что под руку подвернется да и деру давай. А ежели, мол, моргулютки мешать будут – так ты их хворостинной да по хребтине. Со спрыг-травой-то они тебя не тронут, уж оно дело верное.

Слыхать, сам Степан Тимофеич покойный с ними знался да во хмелю о том рассказывал кому ни попадя... Ежели людям верить, так атаман схоронил возле кургана, на горе Лепешке, два ведра золота. А чтобы никто тот клад не вырыл, оставил сверху лом железный, да не простой, а заговоренный. Пошевелишь его – беда будет. Сказывают, моргулютки его научили, как лом заговорить.

Еще Прошка рассказал, что сам видел, как ночью возле кривой березы разлилось озеро, и вода в нем была прозрачная да гладкая, как хрусталь, и ветром ее не колыхало, и сквозь воду было видать, что на дне лежит. «Чаво тама, на дне-то?» – жадно приставал с расспросами Ерема. «Чаво-чаво... Знамо чаво: золото да серебро, да камня самоцветны, да каралы, – нехотя отвечал Прошка. – Да ишо знашь... свитки с письменами». – «Каки-таки свитки? Пергаметы, што ли?» – «Знамо, пергаметы», – уже злился Прошка. «Да ить вода ж их попортит, на дне-то! Как же они лежат?» – не унимался Ерема. – «Я почем знаю... Мырни да глянь...» – «А ты сам чаво ж не мырнул? Каралов бы достал».

Тут Прошка замылся, закричал и наотрез отказался говорить дальше. Только после долгих уговоров он с великой неохотой поведал, что в тот раз у озера сплоховал. Загляделся на клад, споткнулся да уронил цветок, за что и поплатился. Невесть откудова выскочил волкодир, хлыстанул его по спине, да так, что Прошка с горы кубарем покатился. Где уж там каралы хватать... А опосля уж ни озера, ни каралов не нашел. Как есть провалились! «Побожись!» – потребовал ошалевший от таких страстей Ерема. Прошка молча повернулся спиной и задрал армяк. «Вишь

ты!» – только и сумел сказать Ерема. По мосластой прошкиной спине наискось протянулся широкий рубец – след волкодилова хвоста. Немудрено, что Прошка опосля такой «ласки» за кладами бросил охотиться. Ерема, было, еще попытался у него выведать, каков из себя волкодир, правда ли, что телом он навроде ящерицы, а ростом с медведя, да только Прошка замолчал уже намертво. Улегся у костра, положив котомку под голову, и скоро захрапел.

Эхма, где нынче брат Прошка со своими каралами! Сгинул без вести, сердешный, и некого теперича спросить, ежели что не так... А уж точнехонько неладно дело пошло. Ночь Ивана Купала-то намедни была, так Ерема мало не до свету ждал, покамест шишки те клятые не лопнут, да так и не дождался. Сорвал он одну да в рушника клочок завертел. Домой к себе в шалаш спокойнехонько дошел, никто его не шуганул. Так он день и промаялся в думах: а ну как моргулютки над ним пошутили, цветок испортили, да колдовство теперь не поможет. Дак что ему, еще год ждать? Этого никак не можно, и так уж, как барсук, в норе отсиживается с самой весны. Осточертело без хлеба, без соли дичиной пробавляться. Без денег куды подашься? По дворам копеечку просить – себе дороже, да и одежду новую раздобыть надо, обувку, а то, не ровен час, признает кто из мужиков: дескать, вот он, монах беглый, который с жегулями шатаецца! По селам царевых людишек полно – тут же спымают да на дыбу...

Ерема при мысли о дыбе поежился, вспомнил, как ловили по горам Федора Шелудяка. Народ сказывает, не дался атаман во вражьи руки, сиганул с утеса да насмерть расшибся. А тот же Прошка другое сказал: пропал Шелудяк пропадом, сгинул, как и не было!

А уж и то правда: никто Федора мертвым не видал, и могила его никто не ведает где. Може, и вправду его туды, под землю забрали?

Так раздумывал Ерема, а сам в узелок пожитки собирал. Уж коли клад ему в руки попадет – нипочем сюды не вернется, в Подгоры будет пробираться, а оттудова до Самары-града рукой подать. Може, отыщет там свою зазнобушку давнюю, Матрешку. Ежели не погонит со двора, так и сладят свадебку...

Тут его сладкие думки вдруг как ветром сдуло: тягучий звон донесся из-под земли, будто кто-то ударил в громадный колокол. Нет, не из-под земли шел звон, а из бездонного колодца, который зиял позади ереминой берлоги. (Ерема иной раз туда заглядывал, камешки кидал, да токмо ни разу не услышал, как они о дно ударятся.)

Шалаш дрогнул, из щаши с треском и карканьем взметнулось воронье. Ерема с перепугу узелок уронил и осенил себя широким крестом. И снова тяжелой дрожью разнесся по оврагу колоколь-

ный удар. Третьего Ерема дожидаться не стал: со всех ног припустил наутек.

У самого берега реки опомнился. Остановился, отдышался, прислушался – вроде никто не гонится. Да уж, всякие чудеса в здешнем трещобнике бывают, но про подземный колокол отродясь не слыхивал. Поразмышлявши не торопясь, махнул Ерема рукой на все знаменья и решил довершить задуманное. Токмо сумерек не ждать, а пойти к березе до заката, чтоб не так боязно было. А уж там будь что будет. С тем и потопал в сторону кургана, к заветной березе.

– Здорово, земляк! – радостно завопил Костик. – Я тут заблудился малость, как мне до кургана добраться? Не подскажешь дорогу?

Вместо ответа «земляк» размашисто перекрестился (почему-то кулаком) и торжественно отчеканил:

– Изыди, окаянный!

«Вот придурок», – с досадой подумал Костик. Ну надо же, как не везет! Просто патологически не везет! Встретить в чаще бомжа, да еще чокнутого!

– Ладно, зема, не сердись, – примирительно сказал он. – Ты скажи, как до кургана дойти, меня там друзья ждут.

– Она чаво! Курган ему! Сгинь, нечистый! А то вот посохом-то отхожу! – странный мужик и впрямь замахнулся дубиной. Костик на всякий случай попятился. Не хватало еще подраться для полного счастья с этим лешим. Вот так поневоле в сказки поверишь. Чего это он намотал на себя, да еще в теплый день? Замызганный балахон до самых пяток, перепоясанный толсто крученой веревкой, гонится разве что для съемок исторического кино, но никак не для повседневности. Бороду он явно с прошлого года не чесал, да и не стригся, наверное, с рождения. Но даже не это поразило Костика больше всего, а то, что мужик обут в лапти. В самые настоящие плетеные лапти, как с выставки народных промыслов, только потрепанные и с дырявыми носами. Будто и вправду он в них все лето ходит. Да самый распоследний бродяга где-нибудь на свалке тапки драные подберет, но уж лапти не напялит. Если только... Да нет, не может быть. Или все-таки может?

Портал, говорил Димка. Окно. Ворота. Да как хотите назовите, а вот он, бродячий монах, косая сажень в плечах, пришелец кто его знает откуда, собственной персоной. Вот бы проверить его, не разыгрывает ли, только как? Попытаться поговорить, что ли, на откровенность вызвать, а там посмотрим...

– А что, дядя, – осведомился он, не спуская глаз с дубины, все еще зажатой у бородача в левой руке, – ты Степана Разина знаешь?

– А кто его не знат... О прошлом годе его, слышь-кось... Да ты кто таков меня пытатъ? Кем подослан, анафема?

– Никем-ником! – поспешил заверить Костик. – Я турист...

– Чаво-о?

– Ну, гость я! Приезжий. Путешественник. Странник.

– Стра-анник... Так бы сразу и сказал, – с видимым облегчением протянул монах. – Чужанин, чай?

– Ну да... Чужанин так чужанин.

– То-то я гляжу, одежда у тебя не наша. Вишь ты, лапоточки каки хитры немцы плетут! Куда путь-то держишь, божий человек?

– В Жигулиху. Вот говорят, Разин там, на кургане, клад закопал, это правда?

Вместо ответа монах подпрыгнул, схватил дубину наперевес и не шутя попер в атаку.

– Сказывай, чей ты послух, бес треклятый? Зашибу!

Костик шарахнулся, увернулся от удара, который неминуемо разбил бы ему голову, и еле успел поймать конец дубины. Монах дернул ее к себе, Костик не отпускал, и противники закружились по поляне, спотыкаясь о корни и топчя траву. Бородач был сильнее и явно опытнее в потасовках, Костик изворотливее и цепче, так что бороться им пришлось довольно долго. Монах хыкал, крутил дубиной, как рычагом, Костик тряпкой мотался на ней, изо всех сил сжимая пальцы, и безуспешно пытался пнуть соперника в лодыжку. Он взмок, запыхался и уже был готов сдаться, как вдруг монах выпустил свое оружие и, отдуваясь, сел на землю.

– Ну, здоров ты драться, паря! – сказал почти добродушно. – Сядь, отдышись.

Костик сел рядом.

– Убить же мог, – проворчал он.

– Не убил же! – монах расплылся в улыбке и хлопнул Костика по плечу. – За кладом пришел, бесеньш? Ладно, будь потвоему. Ишо поглядим, чья возьмет. Айда!

– Нужен мне твой клад, – пробормотал Костик, но монах уже не слушал его. Он вдруг хлопнул себя по коленям, вскочил и засуетился, забегал по поляне.

– Ох ты, леший! – причитал он, бросаясь животом на траву и шаря под листьями. – Куды ж я его обронил-то? Пропала моя головушка! Где цветок-то?

– Какой цветок? – Костик был совсем сбит с толку.

Ему не ответили. Монах энергично прочесывал траву, затем выпрямился, постоял так, уперев кулаки в бока и задрав бороду к небу. Оно, кстати, заметно потемнело, налилось вечерней прозеленью.

– Ништооо! – медленно и, как показалось, с вызовом протянул монах. – Эх... Зеленая... Сама пойдет!

Костик уже ничего не спрашивал. Как замороженный, встал с травы и пошел вслед за своим странным спутником по еле заметной тропке. Тропка петляла между деревьями, обходя завалы бу-релома и круглые карстовые провалы, монах уверенно шлепал по ней лаптями, и Костику пришлось перейти на трусцу, чтобы не отстать. Мыслей в голове не было никаких, и даже вопрос, куда он попал и что теперь будет, как-то потух и забылся. Ясно одно: он не спит!

Или все-таки спит?

Он уже почти догадался, что именно увидит там, на гребне горы, за редееющими соснами. И не ошибся.

С вершины кургана на десятки километров распахнулись дали. Край неба у горизонта все еще светился, медленно потухали последние сполохи зари – обычное закатное небо, но пейзаж под этим небом был совершенно незнакомый. Ну, то есть Молодецкий на месте, прямо из-под Костиковых ног вниз бежал крутой узнаваемый склон, поросший кое-где кривыми березами и соснами. Внизу, у берега, громоздились скалы Девьей горы, а за ними... За ними вместо безбрежной водной глади поблескивала узкая лента реки.

Водохранилище исчезло. Обалдевший Костик видел остров прямо у подножья кургана – там его никогда не было, – видел извилистую протоку и лесистые холмы, уходящие за горизонт. Только песчаные гривы, прогалины лужаек и дикий необитаемый лес – больше ничего! Где же город? Чей это мир? Как теперь проснуться, вернуться домой?

В ужасе Костик обернулся – ухватиться хоть за соломинку, авось этот нечесаный абориген знает секрет, заклинание, не зря же его сюда приволок и бормочет о кладах и леших!

– Чаво бельма-то вылупил, бес? – немедля отреагировал «абориген». – Сказывай, куды озеро задевал? Аль опять со мной шуткуешь? Я тте пошуткую – вот по хребтине-то!

– Да чего ты ко мне прицепился, псих? – взорвался Костик. – Чего тебе от меня надо? Какое тебе озеро? Заблудился я, заблудился, понимаешь? Черт меня дернул вообще сюда пойти! И чего мне дома-то не сиделось!

– Да тихо ты! – вдруг зашипел монах. – Глянь-кось вон тама – огоньки вроде светятся, ась? Неужто дождались?

И вытянул прыгающий палец куда-то вдоль гребня кургана. Костик машинально повернул за ним голову и тоже увидел огоньки. Три, четыре, пять... Целая россыпь! Они тихо плыли над дремлющей поляной, то сближаясь, то разбредаясь по стороны. Доплыв до опушки, так же беззвучно собрались кучкой и зависли в воздухе. Они не разбрызгивали искры, как шаровые молнии – просто горели ровным голубоватым светом. На траву, на ветки и стволы

берез вокруг легли яркие отблески. Внутри этого освещенного пространства зашевелились неясные силуэты.

– С нами крестная сила! – еле слышно прошепел монах. – Моргулютки пожаловали!

– Тихо... – одними губами ответил Костик.

Световые шары медленно тронулись с места и поплыли вверх, сохраняя свой странный порядок – будто огненная кошачья лапа отпечаталась в ночном небе. «Если вернусь – ведь никто не поверит», – подумал Костик. Задрал голову, он следил за улетающими огнями, пока те не потухли – как-то незаметно, будто растворились в темноте. Монах шумно выдохнул, пробормотал в бороду нечто неразборчивое и засеменял прямо к месту взлета. Там в траве все еще что-то мерцало и переливалось, будто россыпь драгоценных камней.

– Стой, куда ты? – спохватился Костик. – Туда нельзя, опасно! Да стой ты, чудила!

Поздно. Монах будто налетел на резиновую стену – его на бегу отбросило назад и швырнуло наземь, как мешок. Он заорал и принялся кататься по траве, причитая:

– Ой, рученьки мои, рученьки!

Костик ринулся на помощь. Наклонился над раненым. Тот мычал, корчился и безуспешно пытался привстать.

– Что? Где болит? – крикнул ему в ухо Костик.

Два перепуганных, молящих глаза уставились на него.

– Рученьки... рученьки отнялись... Ох, грех, ох, согрешил!

– Да не ной! Счас посмотрим... – Костик хотел было приподнять парализованную конечность, но не успел. С сухим треском пронеслась искра – и наступила чернота.

... – Костя-аан! Лис! Ты провалился, что ль?

Костик открыл глаза и увидел неясное фиолетовое пятно. Он вздернул голову (она тут же отозвалась оглушительной болью) и обнаружил, что лежит ничком на собственном рюкзаке, а в руке зажата коряга-дракон. Он выпустил корягу, поднес ладонь ко лбу и нащупал громадную шишку. Ничего не понимая, поднялся и посмотрел кругом.

Яркий свет. Тропа. Деревья. Красная вешка на березе, как тут и была. Из-за деревьев бежит налегке Димка, что-то кричит...

– Костян, ты чего? Кто тебя? Что случилось-то?

2008 г.

ХРАНИТЕЛЬ

Тс-с... Тише, ветер, тише, жаворонки. Дайте прислушаться. Что это за звон там, вдали? Уж не почудилось ли мне?

Нет.

Не почудилось. Звонят копыта по степи, несет усталый конь свою всадницу.

Сотни миллионов лет я живу здесь и жду ее. Я – хранитель бесконечных холмов и оврагов, дух березовых рощ и прозрачных речек, я наполняю собой синюю даль, уходящую за горизонт, и оберегаю каждый новорожденный стебелек. Я улыбаюсь странникам, которые спешат мимо с обозами, и нашептываю сказки пастухам, коротающим ночи у походных костров со своими стадами.

Сегодня мой день. Я полечу навстречу той, которую ждал так долго. Коснусь прохладным дуновением горячих щек, подарю сухим губам речную свежесть – пусть вздохнет облегченно и повернет коня в зеленую низину между волнистыми увалами. Там журчит среди камышей тихая речка – отличное место для ночлега.

Вот она. Гнедой конь всхрапывает и быстрее перебирает копытами, а всадница вскидывает голову, почувствовав внезапную тревогу.

Не бойся, девочка. Скоро конец твоим испытаниям – теперь у тебя есть Хранитель.

Я все про тебя знаю. Знаю, почему ты скачешь весь день куда глаза глядят. Знаю, почему ты убежала из дому в одной рубашке, без плаща и обуви, не захватила ни воды, ни куска хлеба. Даже материнский меч остался дома, в ларце, вместе с луком и колчаном, полным стрел. Впрочем, дома у тебя теперь тоже нет.

...Мачеха. Ты думаешь, что она всему виной. Да, с ее приходом жизнь изменилась, и ты с тоской вспоминаешь детство. Ах, как вольно и радостно было с матерью – носиться верхом по лугам и рощам, слушать старые кочевые песни, бродить по колено в ковыле. Век бы прожить так, беззаботно!

Но разве ты не замечала, как поджимали губы соседки, когда вы, счастливые и усталые, возвращались домой с охотками степных трав, с богатой добычей, которой не каждый мужчина может похвалиться? Ты не видела, как темнело лицо твоей матери, когда при ней, не смущаясь, открыто говорили: «И зачем только Молчан степнячку в дом привел? Видать, боги лишили его разума! Не будет из нее хорошей хозяйки, да и семья у нее такое ж негодящее!» А женатые молдцы на твоего отца свысока поглядывали да посмеивались: мол, ловко окрутила его ведьма, скоро седло наденет да плетью огреет! И отец все чаще хмурился, стесняться стал своей жены, и днем на нее не глядел, и ночью не приходил.

Стоит ли удивляться, что слегла мать с тоски... И не поднялась больше. Перед смертью горько плакала и прощенья у дочери просила – за то, что оставляет ее среди чужих людей одну-единеньку. И последний совет дала: «Если совсем уж невоготу станет, седлай Гнедка и уезжай к моим родичам. Двигайся вслед за Солнцем, чтобы оно из-за твоего левого плеча всходило, а вечером в угол правого глаза садилось. Доберешься до Великой Воды и скачи вниз по течению. Увидишь наши шатры, попроси отвести тебя к Дарине Левше из рода Волка. Это твоя бабушка, она тебя не оставит...» Сказала и умерла.

Овдовел твой отец, да горевал недолго. Чуть только угли погребального костра остыли – привел в дом другую жену. Вот тогда-то и хлебнула ты из горькой чаши, девочка. Тычки, побои? Если бы только это... Сотни раз на дню ты слышала брань и попреки – дескать, сколько можно терпеть эту бесстыжую, задрала подол и с седла не слезает, и это вместо того чтобы приданое себе шить и скромность девичью блюсти...

Но совсем худо пришлось, когда молодой Надей не к мачехиной дочке посватался, а к тебе. Вот уж она рассвирепела!

Что она сделала? Ах, да. Ты вернулась домой с поля и увидела посреди двора разбитый ларец – твой девичий ларец. Рядом валялись поломанные стрелы и клочья войлочного плаща – это был материнский подарок. Мачеха стояла над ним, подняв над головой трехногий жертвенник – тот самый, священный для степняков каменный круг, который твоя мать прятала от чужих глаз и берегла как зеницу ока. Она не смогла с ним расстаться, оставила себе на память, когда вышла замуж за чужака-венеда и навеки потеряла звание жрицы.

Я знаю, что случилось потом. Ты закричала и вне себя кинулась отнимать святыню. Схватила жертвенник, дернула к себе... Мачеха потеряла равновесие, упала и стала звать на помощь. Жертвенник выскользнул из твоих рук и раскололся. И тогда удары обрушились с той стороны, откуда ты не ждала.

Отец отхлестал тебя кнутом, а потом оттащил в клеть и запер. Вот почему у тебя до сих пор горит спина и кружится голова.

Ночью ты сбежала. Ты скакала до утра, не оглядываясь, потому что боялась погони. Потом ты вспомнила, что говорила тебе мать о реке, на берегу которой ты можешь найти свой стан. И ты направила коня на юго-запад.

Но ты отклонилась за ночь, девочка, и попала совсем в другое место.

В мои владения.

Осторожно! Я поддержу тебя.

...Потеряла сознание. Немудрено. Ехать верхом почти сутки, раненой, без еды... Что ж, тебе надо отдохнуть. Приготовлю по-

стель и подожду, пока ты наберешься сил. Ветерки, присмотрите за ее конем.

Заря гаснет, густеют сумерки. Моя гостья спокойно спит, свернувшись по-кошачьи на копне свежей травы. Посижу рядом и расскажу сказку о миллионах рассветов и закатов, о череде зим и лет, о морских волнах и красных пустынях.

Вот бы она удивилась, если бы увидела Землю такой, какой она была во времена моей юности. Меня принесла река. Нет, не та великая Мать Воды, к которой теперь так стремится эта бедная девочка. Это был могучий и мутный поток, который родился далеко отсюда, в ледяном сердце заоблачных гор и мчался с востока на запад, сокрушая все на своем пути. Горы были живыми, они постоянно двигались и неуклонно росли, тянулись к небу. И чем выше поднимались зубчатые вершины гор, тем капризнее и своенравнее становилась река. Поток размывал скалы, выламывал из них огромные глыбы разноцветного камня и нес их к устью. Глыбы крошились и перемалывались, становясь крупитчатым песком и щедро устилая русло пестро-полосатыми коврами. Наверное, тогда я и родился. Вместе с талой водой ледников я спустился с вершин, рассыпался по речному дну мириадами острых кристаллов и оказался здесь, посреди бесконечной, выжженной солнцем пустыни. Лед и пламя одновременно, девочка, поверишь ли ты? Дождей не было, пустыня раскалялась, порождая сотни миражей, и все живое старалось найти прохладу и покой на берегах моей реки. Здесь, около воды, росли странные леса без травы и кустов – разлапистые узловатые деревья смыкали кроны на головокружительной высоте, прятали в душных чашах скопища неуклюжих тварей с влажной бугристой кожей. Река бурлила, подтачивала берега, и тогда случались бедствия: огромные пласты с шумом сползали в воду, перегораживая русло, и река прокладывала себе другой путь, затапливая лес и распадаясь на множество рукавов. Вон там, южнее, на границе моих владений, она впадала в море. В соленую горячую лагуну, кишевшую жизнью, как похлебка в горшке.

С тех пор все переменялось. Ты и представить не можешь такой бездны времени, а для меня оно пронеслось как краткий миг. Нет больше могучей реки, пески давно занесли ее русло, и на сухих увалах выросла трава. Нет больше медлительных чудовищ, копошившихся в топких заводях. Зато сюда пришли люди. И я стал ждать.

Однако, скоро рассвет. Она пошевелилась... Сейчас проснется. И увидит меня. Наконец. Я приму человеческий облик, чтобы не напугать ее.

– Ах! – она вскинулась, отпрянула к стене. В широко распахнутых глазах ужас, губы дрожат, руки отчаянно пытаются нащупать

пать оружие. Маленький беспомощный зверек в западне. Я знаю, что она видит – бревенчатую хижину с узким окном, тлеющий очаг, мохнатые тени на потолке... И незнакомец неподвижно сидит напротив и смотрит на нее поверх углей, налитых последним янтарным светом.

– Никто не смеет безнаказанно тронуть девушку из рода Волка! – голос дрожит, но полон решимости. Если потребуется, будет бороться за честь до конца.

– А я тебя и не трогаю.

Молчит, напряженно всматривается.

– Ты кто? Как я сюда попала? – сказано уже спокойнее.

– Ты у меня в гостях. Упала с коня, я тебя подобрал и принес к себе. Можешь здесь переночевать, я тебя не обижу.

– Да ты сам-то кто? Имя у тебя есть?

– Называй меня... Всеволод.

– Ты разве князь?

– Можно и так сказать. Что, спина больше не болит?

Удивление.

– Не болит... Уж не колдун ли ты, князь? Может, черноголовый демон?

Я смеюсь.

– Сама видишь, что не демон. Лучше скажи – ты ведь голодная, гостена? Вот кушай, не побрезгуй. Чем богаты, тем и рады...

Эффект тот же – немое изумление и восторг. До чего приятно удивлять людей. Приятно видеть, как она теряет дар речи, потому что невесть откуда перед ней появляются миски с ароматной едой и кувшины с напитками. Не веря себе, протягивает руку, отламывает кусочек лепешки, пробует.

– Настоящее... А я думала – сплю. Ты все-таки колдун, князь.

Вот теперь отпираться не получится. Пора правду говорить.

– Я не колдун, девочка. Я Хранитель. Я тебя ждал много лет.

– Зачем?

– Хозяйка мне нужна. Посмотри на меня – люб я тебе? Хочешь быть моей хозяйкой?

Юное лицо заливается румянцем, она закрывает его рукавом и молчит.

– Я тебя не тороплю... Но не спеши отказывать. Подожди... хоть до утра.

Долгое, невыносимое молчание. Потом сбивчивый шепот:

– Не могу я...

– Почему?

– Ты не человек, ты дух. Что я у тебя буду делать? Мне к людям надо... Шатры кочевые искать. Не сердись, Всеволод.

Что ж тут поделаешь, насильно мил не будешь. Я молча смотрю, как она никнет лицом в траву, глубоко вздыхает и снова

сворачивается во сне комочком, как котенок. Ночь медленно тает, роса мерцает на листьях тысячами искр, молочный туман плывет над водой. Светает.

Моя гостья открывает глаза, садится и растерянно оглядывается вокруг, пытаюсь отличить сон от яви. Избушки уже нет, осталась только зеленая лужайка с непрямой травой и пышные ивы на берегу. Девушка идет к речке умыться, потом подзывает коня и вскакивает в седло. Зажав в кулаке поводья, почему-то медлит, не решаясь тронуться с места. И вдруг стегает коня плетью и во весь опор мчится по увалу.

Я не должен мешать тебе. Иди своей дорогой, но послушай напоследок... Я буду ждать еще двести сорок миллионов лет, я ведь бессмертен. Ты пока не заметила, что в твоих медных бусах сверкает чистыми кристаллами горного хрусталя новая бусина – мой подарок. Она защитит тебя там, где я уже не властен. Береги ее и помни о нашей встрече. Если захочешь поговорить со мной – просто сожми бусину в ладони. И еще... Там, на краю поля, на берегу Сладкой реки стоит каменный истукан – один из моих образов. Остановись возле него, прислушайся внимательно, что скажет тебе твое сердце. Еще не поздно будет вернуться.

...Она уже далеко, и я с трудом различаю, как она внезапно замирает, схватившись за ворот рубахи, и робко смотрит в лицо каменной статуи. Через мгновение ее рука трогает повод, и я молю, чтобы оно продлилось вечно – мгновение моей последней надежды.

Июнь 2009 г.

СКАЗКА СТРАННИКА

«...и я увидел, что голова его (человека) подобна большой кадке, ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и таковы же кости его голеней и обеих его локтевых костей.

Я же изумился ему и удалился».

(Ахмед Ибн-Фадлан «Записка о путешествии на Волгу»).

– Эгей! Беги, торопись, мой ослик, резвее стучи копытцами по дороге! Солнце уже садится, скоро стемнеет. Хорошо бы засветло до селения добраться – может, переночевать пустят, а может, и накормят...

Что ты уши наострил, серый? Жилье почуял? Ай, молодец, ослик, и вправду – селение близко! Вон уже огоньки в окошках зажглись. Ну-ка, давай поближе подойдем – вот к этой хижинке с краю, нравится она тебе? Сразу видно, люди тут хорошие живут, вон как голосишки детские звенят – будто колокольчики! Окликнем хозяев... Эй, люди добрые, есть ли кто дома? Впустите странника переночевать, а я детишек ваших развеселю, песни петть буду, сказку расскажу.

Мир вашему дому, хозяйин с хозяйошкой. Зовут меня Дусай, а люди прозвали Соловьем – за песни мои. Мне бы переночевать только, да вот ослика моего напоить да хоть охапку соломы бросить... Спасибо, спасибо, и я от угощения не откажусь. Давненько я похлебки горячей не пробовал, да и хлеб у вас какой вкусный!

Нет, милые, нету у меня ни семьи, ни дома, один по свету скитаюсь, уж так Бог решил. Был я далеко-далеко, на землях русов, а сейчас иду на юг, к соленому морю, хочу на тамошних людей взглянуть. Может, и там мои песни по нраву придутся.

Много песен и сказок знает Дусай-Соловей, много он повидал на своем веку. Видел скалистые горы – обиталище Дивов, видел великую реку Идель, видел, как росли дубовые стены стольного Булгара. И хана Алмуша, сына Шилки, видел, и чужеземца, гостя его – того самого, который хотел нас учить новой вере. Ахмед его звали, Фадлана сын. Не понравился он нам – уж больно спесивый был, чванился своей ученостью, на нас свысока поглядывал. Все заставлял наших женщин свою красоту закрывать, будто грех в ней какой видел...

Может, спеть вам дастан про славную дочь Шана? Или сказку рассказать про лешего-простака? Или про трех братьев?

Нет, есть у меня сказка чудеснее этих. Да и то сказать – сам не знаю, сказка ли, быть? Если не поверите, не обижусь.

Давно это было, я молодой был – вот как ты, сынок. Усы у меня только-только пробивались. Жили мы на просторах за Идель-

рекой, в краю родников и дремучих лесов. Там, где сейчас Муран-город стоит. Сирота я был, бедный как мышь, имущество отцовское соседи за долги забрали, вот я и пошел к нашему беку овец пасти. Бек был важный да богатый, не хуже самого Алмуша-хана, овец в стаде у него, что звезд на небе!

Летом мы с другими пастухами стада на самые дальние пастбища уводили, к подножию гор, к берегу Идели. Вот там все и случилось. Как-то раз вечером загнали мы овец в загон да поужинать собрались. Тут говорят пастухи: сколько можно сухой хлеб есть, хоть бы рыбы наловить, похлебку сварим. Ты, говорят, Дусай, среди нас самый молодой, бери острогу да иди ужин нам добывай.

А мне что? Отправился к реке, зашел в воду и смотрю вокруг. Ах, дорогие мои, какими словами рассказать о наших Дивьих горах? Слишком беден мой язык... Слушайте: поднимается прямо из волн отвесная стена, будто крепость неприступная, только не люди ее выстроили, а могучие Дивы. Или сами Дивы в горы превратились, замерли и окаменели. Скалы – это их ребра, сосновый лес – это пышные кудри да бороды, пещеры глубокие – как глазницы. И есть промеж ними каменный Батыр всех выше ростом, широкоплечий и могучий, стоит по грудь в воде и на свое отражение любит.

И вот вижу: вода у подножия Батыра закипела, заклокотала, волны огромные побежали. Я поскорее на берег – отбежал подальше и жду, что будет дальше. А дальше... Вынырнул из-под горы великан. Поднялся во весь рост – я аж шапку уронил, когда голову задрал. Ростом он, дорогие мои, был не меньше четырех локтей. Руки длинные, между пальцами перепонки, как у гуся лапы. По телу растут космы, будто водоросли зеленые струятся. Но только я это все потом разглядел. А сразу-то уставился ему в лицо да и окаменел со страху: глаз-то у великана один! Светится посреди лба, как звезда.

Стоит великан, не шевелится. Я опомнился, поклонился ему. «Мир тебе, могучий Див, хозяин гор, – говорю. – Не гневайся на меня, не хотел я потревожить твой покой». Он молчит, а мне вдруг спокойно стало, хорошо, будто я не Дива, а брата родного встретил. Хотел я уже сказать ему, что за рыбой пришел, как вдруг великан нагнулся и зачерпнул воду рукой. Глядь – а в ладони у него бьется огромная рыбина. Бросил он ее на берег, к моим ногам. «Спасибо за подарок, – говорю, – могучий Див. Только вот нечем мне тебя отдарить. Разве что лепешка сухая – прими, не порезгуй». Достал я из-за пазуху лепешку, протянул ему. Великан взял, осмотрел ее со всех сторон, будто хлеба никогда не видел, и разом проглотил. Ничего не сказал, но понял я, что по вкусу ему пришлось человеческая еда.

Подобрал я рыбу, в корзину положил, попрощался и к своим пошел. И тут будто кто мне на ухо шепнул: никому про Дива не рассказывай, пусть все тайной останется. Ладно, думаю, так и быть. Пастухи наши увидали мой улов и давай хвалить: никогда, дескать, таких огромных стерлядей Идель им не дарила, никак наш мальчишка с водяным подружился? Я молчу, про великана думаю – увижу я его еще раз или нет?

На другой вечер опять меня за рыбой снарядили, и снова забурлила вода в пещере под горой, и снова на берег вышел одноглазый Див. Я его лепешкой с сыром угостил, а он мне рыбы дал. А после чудо показал: не шевельнув даже пальцем, стал двигать с места на место огромные камни и укладывать их горкой друг на друга. Хлопнул в ладоши – и над каменной горкой засветились огоньки. Выстроились вереницей и пошли хоро- водом вокруг камней. Я ахал, удивлялся, хлопал себя по коленкам и понимал, что великану это нравилось.

Быстро пролетел вечер, и уж когда совсем темно стало, спохватился я и побежал к стаду...

Так стал я каждый вечер ходить на поляну к подножию Батыр-горы, и каждый вечер выходил ко мне добрый Див. Не умел он говорить по-людски, зато его слушались и живые существа, и даже камни. Вот что я заметил: там, где стоял и ходил великан, быстро росла трава и распускались невиданно пышные цветы. И все бы хорошо осталось, но товарищи мои пастухи решили разузнать, куда это я хожу по вечерам и возвращаюсь с богатым уловом. Они пошли за мной и выследили Дива.

Сначала, конечно, испугались, но потом увидели, что он зла не делает, и стали кричать, чтобы он им рыбы дал. Но великан будто оглох. Стоял молча и смотрел на нас. Пастухи так ничего и не добились, махнули рукой и ушли. Смотрел я им вслед, и сердце у меня так и горело от тревоги: беда будет! Беда!

Так и вышло. Дошли слухи о Диве сначала до нашего села, а потом до самого хана. Не поленился хан, приехал сам на великана-Дива посмотреть. Как сейчас вижу: едет важный хан на своем жеребце по долине между гор, шапка на нем бобровая, одежда шелковая, золотом расшитая, и даже сбруя у коня дорогим камнями сверкает. Рядом две собаки борзые бегут. За ними батыры поспешают, брякают оружием. Ну, а уж следом бегут селяне, кто пеший, кто на ослике.

Подъехали к нашему загону, остановились. Мы шапки долой сняли и низко, до земли поклонились. Спрашивает хан: «Кто здесь с великанами знает?» Пастухи меня вперед вытолкнули. «Ты? – спрашивает хан, а сам удивился, что я молодой такой. – Ну, веди к великанам. Если они таковы сильны да могучи, как о них рассказывают, так пусть ко мне в дружину идут. Мне славные батыры нужны».

Что было делать? Повел я ханскую дружину на берег. А великан будто неладное почуял, не вышел к нам. Хан велел на поляне шатер раскинуть, костры развести и веселиться. Шум по берегу пошел, хохот, песни... Ханские слуги жарили на кострах мясо и раздавали его селянам. Девушки кружились в пляске под звон бубнов и плач сурнаев. До самого заката длилось веселье, а когда солнце коснулось верхушек леса на дальнем берегу, из подводной пещеры вышел великан.

Увидел его хан – онемел от страха. Но быстро опомнился и говорит: «Мир тебе, батыр, я великий хан Алмуш. Слыхал я про твою силу и стать и вот пришел на тебя посмотреть. Вижу, что молва людская не лжет – таких великанов я отродясь не видал. Пойдем ко мне служить, я тебя золотом с ног до головы осыплю».

Великан ничего не ответил, повернулся и пошел прочь. Хан аж побелел со злости. «Вернись! – кричит. – Как смеешь к хану спиной поворачиваться?» Но великан даже не обернулся, молча шагал к берегу.

Батыры за дуки было схватились, но хан их остановил. «Пусть идет, – говорит. – Он, видно, дурак или глухонемой».

И тут – надо же! – кто-то из мальчишек деревенских камнем в спину великану запустил. Не иначе, кто-то из взрослых его научил. Вздрыгнул великан и остановился, в толпу смотрит. А мальчишка, паршивец такой, другой камень швырнул.

Да только на этот раз ничего не получилось. Великан руку перед собой выставил, и камень ударился о воздух, как о крепкую стену, отлетел назад и угодил бросившему прямо в лоб. Мальчишка вскрикнул, схватился за лицо, но еще громче закричала женщина – наверное, его мать. Она бросилась прямо к великану и хотела его бить. И тогда все мы ахнули и замерли, потому что случилось невиданное: женщина поднялась в воздух, перелетела через толпу и плюхнулась в траву. Нет, дорогие мои, не упала и не ушиблась, а села мягко и плавно, как горлица в гнездо.

Это потом уже люди стали болтать, что, мол, «никакой отрок не мог посмотреть на великана, чтобы не умереть», и что беременные женщины теряли плод своего чрева при одном виде одноглазого Дива. Неправда это, дорогие! Я был там и видел все своими глазами.

А было вот что.

Выпустили батыры в великана с десятков горящих стрел. Он не успел защититься. Одна стрела угодила ему в глаз, другие подожгли шерсть на теле. В немом крике он закружился, как живой факел, стал стряхивать с себя пламя, но стрелы все сыпались, вонзаясь в грудь, живот, бедра... Я рвался к нему, кричал, умолял пощадить, но чужие руки держали меня. А вокруг несяя гогот и улюлюканье.

Кто-то набросил на шею великана аркан, и он повалился наземь, как столетняя сосна. Больше ничего не помню...

Опомнился я уже на рассвете, когда насквозь от росы промок. Голова как колокол гудит, и одна мысль в ней бьется: что же вы наделали, что натворили?

Встал я, осмотрелся. Костры погасли, только пепел чуть курит-ся, люди валяются как попало, храпят. Две-три собаки кости догрызают. Котлы, оружие разбросано... Около ханского шатра стража дремлет. Один батыр голову чуть приподнял, глянул на меня исподлобья и опять глаза закрыл. Пошел я своего бедного великана искать.

Нашел истоптанное место, все в пятнах крови, и широкий след – будто там волочили что-то... Пошел по этому следу, а в горле комок стоит. Недолго шел, увидел его.

На опушке леса, под огромными дубами, лежал мой мертвый друг. Вытянулся во весь рост, почерневший, неподвижный... Руки и ноги как могучие стволы, только уж больше никогда им не ходить по земле, не творить чудес. Удивительное дело: не шел смрад от тела – еле заметный аромат оно источало, будто не человека сожгли и не Дива, а смолистое дерево.

Хотел я подойти поближе – думаю, мол, надо похоронить его, негоже покойнику лежать без погребения... Да заметил возле тела стражников. Они спали сидя, уткнувшись в колени.

Сел я поодаль и дал слезам волю. Прости меня, говорю, это я виноват, не сумел тайну сберечь.

И вдруг слышу... Нет, не голос. Кто-то тихо прошептал у меня прямо в голове: «Это ты, сынок? Что же ты тут сидишь? Ты теперь петь будешь, иди».

Вскочил я, ничего не могу понять. Набрал в грудь воздуху – и горло будто в сурнай превратилось. Пою – и голоса своего не узнаю. В жизни никогда так не пел. Стражники проснулись, давай меня толкать, плетками замахиваются... «Спятил совсем! – кричат. – Убирайся, а то собак спустим!»

А мне что? Поклонился еще раз великану и ушел куда глаза глядят. С тех пор так и хожу по свету, песни пою, и нет для меня в жизни другого счастья... Э-э! Да вы, гляжу, уж спите, дорогие мои, притомил я вас своими сказками! Ну, легких вам снов, а я пойду на вольный воздух подремлю... Не то мой ослик совсем без меня заскучет...

Август 2010 г.

О ЧЕМ МОЛЧАЛА ДОБРАВА

Повезло Беяне замуж выйти. Разула молодца сильного, работающего да пригожего¹, еды у него избе вдоволь, да и свекровь ласковая, зря не обидит. Только однажды Добрава решилась невестку уму-разуму поучить, да так, что Беяна потом долго еще почесывалась.

Дело вот как было. Пошли как-то раз мужики на охоту, а бабы, как водится, дома остались. На дворе предзимье, хлеба давно убраны, льну натрепали столько, что и до весны с ним не управиться, вот и сели свекровь с невесткой прясть.

Сначала напевали, чтобы не заснуть, потом примолкли. Беянин сынок малый, Ждан, возле матери на лавке сидит, щепочками играет. Захотелось ему пить, пошел он водицы из кадки зачерпнуть, а там еле на доньшке. Наклонил Ждан кадку, да ручонки-то слабые – не удержал. Опрокинулась кадка, вся вода по полу разлилась, мешок с куделью намочила.

Осерчала Беяна, шлепнула сына да крикнула сгоряча:

– Ах ты негодный, что натворил, забери тебя шишига!

И вдруг Добрава коршуном на невестку кинулась, рот ей зажала да такой подзатыльник отвесила, что у той голова как пустой котел загудела.

Заревели они уж тут в два голоса – и мать, и сын.

– За что, матушка? – причитает Беяна.

– Молчи, безголовая! Или беду накликать хочешь? Ты кого позвала? Ты чего дитю пожелала?

– Да ведь я не взаправду...

– Взаправду или нет – все едино! Молись, проси прощения у Лады, у Рожаниц! – и с этими словами Добрава на двор выбежала, заклинания от злыдней творить.

А когда вернулась, то уже успокоилась, домочадцев своих приласкала. Села на лавку и говорит невестке:

– Ты на меня, доченька, зла не держи. Расскажу я тебе всю правду, только смотри, не выдавай меня никому. Особенно мужу своему, Вышате.

И рассказала все без утайки. В те времена, когда Добрава сама молодухой была, житья крутом от лешенок да шишиг не было. Чуть зазеваешься – они уж тут как тут. Большой беды не натворят, но пошутят вволюшку. То стога на покосе переставят, то корову в бурелом загонят, то собак напугают до полусмерти. А молодец Местята, холостой еще, однажды за полночь с гульбища возвращался да в темноте заплутал – так поутру рассказывал такое, что и слушать-то срамно, не то что повторить.

Сказать по совести, Добрава тем байкам про Местяту не верила – мало ли что после хмельного меда привидится. А сама она на этом свете никого не боялась. От лихих людей да зверей лютых сама могла дубьем оборониться, а от злыдней знала заклятия верные. Но вот и Добраве пришел черед с шишигами познаться.

В тот день она ворошила сено на дальней лесной опушке, возле оврага. Младенца своего, Вышату, положила в холодок, под куст боярышника на травку. Сначала он гукал, смехом заливался, ножками сучил, а потом разомлел и заснул. День славный такой, солнечный и тихий, в деревьях птицы щебечут, на луге шмели гудят и кузнечики стрекочут. От свежего сена дух идет сладкий, медовый. Работает Добрава и тихонько про себя песню поет. Солнце уже высоко поднялось, жарко стало. Сынок проснулся и заплакал – проголодался. Добрава работу бросила и села под куст кормить его. Смотрит на первенца и налюбоваться не может: ну вылитый отец! Курносенький, волосики белые, кудреватые, а глаза будто небушко ясное.

Пососал Вышата, почмокал и опять глазки смежил – дремлет. Добраве бы положить его да работу заканчивать, а ей вдруг до того томно стало, такая лень одолела – хоть прямо тут ложись да спи. Смотрит она кругом – и неладное чувствует. Тишина мертвая стоит в лесу, даже птахи примолкли, ветер утих, ни один листок не шелохнется. И почудилось Добраве, будто из чащи смотрит на нее кто-то. Протерла глаза – никого.

Тогда она сонную одурь с себя стряхнула и снова взялась за грабли. Но только работа не ладилась. То камень под зубья попадется, то колючка в пятку вопьется. Пока Добрава на одной ноге скакала и пыталась занозу вытащить, Вышата опять проснулся и закричал, да так надрывно! У матери сердце захолонуло. Кинулась к нему – уж не змея ли ужалила дитяту?

Ан нет, ничего худого не приключилось. С чего же младенец криком исходит? Добрава уж и качала его, и тетешкала – не унимается.

– Да чтоб тебе пусто было! – наконец, крикнула она в сердцах. – Что ты горланишь, идол, шишиги б тебя взяли!

Глядь – малой-то и успокоился. Повхслипывал протяжно да и носиком засопел. Умаялся шуметь. Неразумная мать и обрадовалась. Положила его под куст, кичу свою поправила, плат повязала и снова за сено. Ворошит, разгребает валки, а тишина кругом все страшнее и страшнее – будто студень сгущается.

И тут видит Добрава – из оврага идут-поднимаются три здоровенные бабы. Чужие да страхолюдные. Волосы до пяток небрибранные, руки длинные, что твои жерди, лицом белые, будто сроду на солнышке не бывали. И одеты не по-людски – вроде не нагие, но и одежды не видно, будто вода по их телесам течет и

обволакивает. Молча обступили Вышатушку и руки к нему тянут, а он спит себе, как ни в чем не бывало.

Добрава заголосила дурным голосом: мол, не троньте мою кровинушку, злыдни, убирайтесь прочь! Матушка Мокось, оборони!

Глянула – нету никого, сгинул морок. Только тогда Добрава подхватила сына в охапку и бросилась бежать домой.

Бежит – ног под собой не чувствует, а в ухо будто шепчет кто-то: отчего это сын твой не шелохнется, будто мертвый?

Добрава остановилась, пелену-то развернула – и повалилась замертво. Вместо живого мальчика у нее в руках березовое полено!

Сколько в беспмятстве пролежала – не помнит. Когда очнулась – солнце уж к закату клонится. Уткнулась она лицом в пелену и давай над ней выть. Дескать, дитячко ты мое роженое, Вышатушко, на кого ж ты меня покинул, соколик, где мне искать тебя, бедной матери? Однако слезами горю не поможешь. Схватила Добрава полено и побежала обратно на лужайку.

Вот и грабли валяются среди валков, вот и трава примята, где они с Вышатушкой сидели под боярьшником.

А вот где шишиги ступали, там ни одна травинка к земле не прильнула. Будто они по воздуху летали. Добрава заглянула в овраг – нету никого, только камыши да рогоз под ветерком шепчутся-шелестят, ручеек по дну бежит, журчит. Тогда она пошла по краю оврага – авось-де набредет на похитительниц.

Сколько шла – сама не помнит, а только овраг все глуше становится, стены все отвеснее, лес вокруг все дремучее. Коряги да валежник хмелем заплетены – ни пройти, ни проехать. Забрела в тазорю глушь, что свету белого не видно, исцарапалась, платок разорвала. Глядь – впереди в овраге будто изба стоит.

Подошла ближе – что за леший? Торчит прямо из стены огромная железная корчага, крышкой закрыта и гудит потихоньку, как борть с пчелами. Ни души кругом, ни следа, но Добраве опять будто шепнул кто-то: там ее обидчицы, внутри схоронились. Подошла она еще ближе, постояла, голос подала: есть, мол, тут кто живой?

Никто не отозвался. Стала она заклинания творить, да никакого проку. Трижды обошла корчагу с молитвами Рожаницам – ничего не добилась. Тогда кричать стала, злыдней хулить страшными словами – авось не стерпят, выглянут наружу.

Не выглядывают. Только гудит корчага, не замолкает.

Тогда, не помня себя, стукнула Добрава по железной стене обоими кулаками.

Вернее, хотела стукнуть, да не успела. Затрещало что-то, молния сверкнула, как в грозу. Неведомая сила отшвырнула мятежницу назад сажени на три. «Вот и смерть пришла», – успела подумать. И даже глаза зажмурила, а смерть не идет. Полежала-

полежала... И снова к корчаге. И снова отлетела, как пушинка. Тут бы и богатырь отступился, но только не Добрава. Нащупала она толстую жердину и давай по железу колотить: отдавайте, кричит, моего сына! Все равно не отступлюсь, злыдни поганые, хоть убейте!

Колотила-колотила, пока совсем из сил не выбилась. Упала в траву и зарыдала: «Отобрали злыдни мое дитяtko – берите и меня, без Вышатушки мне белый свет не мил!»

Рыдала-рыдала, пока сон ее не сморил.

Долго ли спала – неведомо. Проснулась, слышит – вроде как дите рядом плачет. Глядь – а это он, Вышатушко! Живехонек-здоровехонек, только холодный весь – озяб. Дело-то уж к вечеру, роса выпала. Схватила его Добрава, тискает, целует – сама себе не верит. Неужто сон ей видится? Или шишиги взаправду сыночка отпустили? Огляделась кругом – корчаги как и не бывало. Только лес глухой хмурится, ручеек журчит.

Завернула она Вышату в передник, покрепче к груди прижала – а ну как он опять поленом обернется? – и домой побежала.

Родичам ни словечка не сказала – боялась, как бы они «лесно-го дитяти» чураться не стали, изгоем не сделали. Вот и помалкивала до сих пор. Да и сама первое время боялась, что шишиги младенца испортить успели. Известное дело – как побывает человек у леших в лапах, так сам не свой становится. Сонный ходит, немощный, а то и вовсе помрет. Однако ничего. Вышатушко, хотя и погостевал у шишиг, даже не занемог. Румяный рос, справный да крепкий, как боровичок. И в работе всегда первый, и в забавах. Знает, когда сеять пора, когда убирать, когда травы целебные собирать – старики и те к нему за советом идут. Неужто шишиги его так одарили?

– Только гляди, дочка, никому про это не рассказывай, – строго напомнила Добрава невестке. Помолчала, послушала, как шумит за стеной ледяной ветер. Спросила еще: – Сама-то теперь не забоишься? Люб ли тебе Вышата?

Беляна стыдливо отвернулась, скрывая улыбку. Но свекровь успела заметить, как жарким румянцем вспыхнули ее щеки.

2011 г.

¹ По славянскому обычаю, молодая жена в первую брачную ночь разувала мужа в знак покорности.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

1. Небесный камень

Талинка лежит в траве и смотрит в небо. Прямо возле глаз покачиваются желтые бутончики купальниц, а над ними опрокинулась ярко-синяя чаша. Если чуть-чуть повернуть голову вправо, в поле зрения всплывает зубчатая стена – сосновый бор на вершине горы. Талинке нравится рассматривать лес снизу, с лужайки – отсюда кажется, что игольчатые шапки сосен щекочат небо, а бронзовые теплые стволы так и манят обхватить их руками, прижаться и вдыхать смолистый аромат.

Именно так она когда-то увидела бор впервые – снизу вверх, лежа навзничь. Это было несколько зим назад – то есть очень, как ей казалось, давно. Талинка смутно помнила, как ее везли в корзинке либо долбленной колыбели, уютно закутанную в мягкий мех. Дорога тянулась бесконечно, и Талинка ужасно соскучилась, потому что ей ничего не было видно по сторонам – только высокие борта колыбели, над которыми сияла голубизна и проплывали облака. И вдруг там, где только что было небо, оказались деревья. Они росли в бездонной выси, упираясь корнями в рыжие камни, и камни складывались один на другой причудливыми ступеньками. Это было чудесно и невероятно: земля выросла до неба и заслонила его. Вот бы побежать туда по ступенькам, подпрыгнуть, взлететь на самую верхушку сосны – чтобы прикоснуться к небу и узнать, какое оно на ощупь.

И тут случилось самое главное: из гущи зелени взметнулась огненная птица, черкнула сверкающим крылом в небе и пропала.

«Не можешь ты этого помнить, – сказала мать, переглянувшись с бабушкой, когда Талинка рассказала им об этом полусне-полувоспоминании. – Ты совсем маленькая была тогда. Тебе приснилось...» А бабушка ничего не сказала.

Она сказала свое слово позже, когда с Талинкой произошло еще одно удивительное событие. Как-то ночью ей захотелось пить, мать встала и пошла за ковшиком. Талинка ждала ее, сонно посматривая кругом. В просторной хижине царил полумрак, по потолку ползали отсветы догорающего огня – во время холодов большой очаг не гасили даже ночью. Рядом уютно посапывали малыши – они спали все вместе на земляной лежанке, застеленной овчиной. На полу вытянулись узкие прямые тени столбов, которые поддерживали крышу. Они считались живыми, им даже вырезали подобие лиц и обозначили пупок, шею, руки и тройной пояс со знаками. В праздники их украшали венками пахучих трав и цветов и присили о защите. Правда, столбы-домовые никогда не

шевелились и не моргали, сколько ни смотри им в глаза, и Талинка понемногу перестала их бояться.

Вдруг ей показалось, что в дальнем углу, куда не доставал свет тлеющего очага, шевельнулась тень. От столба отделилась смутная фигура, переступила длинными ногами, беззвучно шагнула в темноту. В клетушке зафыркали лошади, собаки вскочили и, наострив уши, заворчали.

Мать пошла к входу, отодвинула полог, выглянула наружу и, никого не заметив, вернулась к постели с ковшиком воды.

– Мама, я видела, как Домовой ожил, – шепотом сказала Талинка. – Он ушел на сеновал.

Вот тогда-то бабушка и заявила при всех родичах:

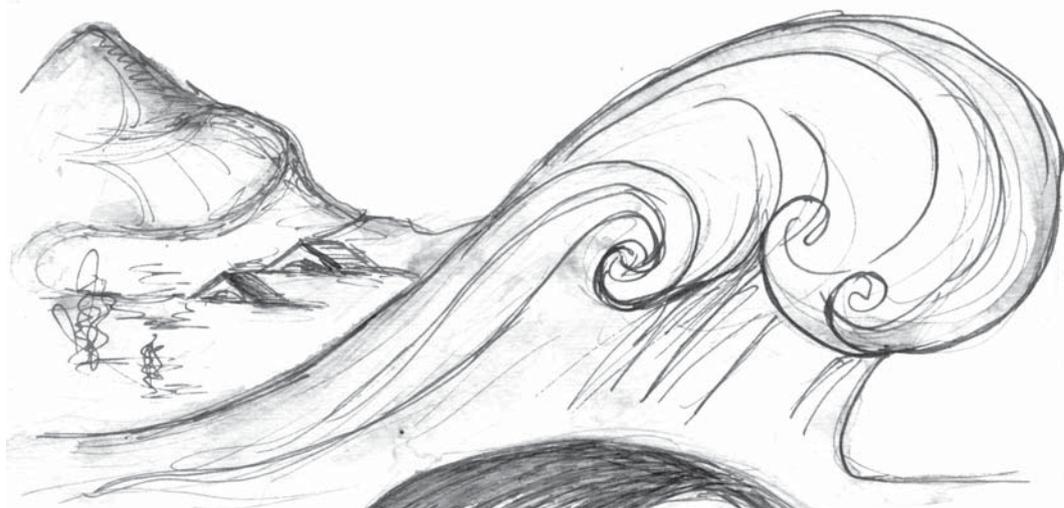
– Эта девочка будет нашей Знающей. Совсем скоро. Она видит тайное. Дождемся Знака.

Талинка тогда не слишком задумалась, что это значит. Какие-то «знаки», «тайное» и «явное» – это все слова из непонятного мира взрослых. Когда-нибудь она вырастет, чинно сядет со старшими у священного огня, будет молиться богам и петь хвалебные песни, но не сейчас.

Сейчас в небесной синеве журчат жаворонки, по лужайке пробегают теплый ветерок, приятно ласкает лицо – славный солнечный день, каких много еще будет за лето. Его так долго ждали, благодатного лета. Впереди спелая земляника и малина, сладкая, как мед, орехи и грибы. Вот весело будет вместе с братьями и сестрами собирать ягоды и аукаться, прячась за деревьями! На вершине большой Медвежьей горы, наверное, уже поселилась пара беркутов – гнездо у них спрятано в густой сосновой кроне, огромное и круглое, как колесо от повозки. Прошлым летом Талинка любила подолгу сидеть, притаившись, где-нибудь поблизости – например, на соседнем дереве. По толстым обломанным сучьям можно, как по лестнице, забираться до развилки и наблюдать, как родители-орлы приносят в гнездо зайца или тетерку, и тогда птенцы поднимают отчаянный писк и толкотню. За лето птицы привыкли к маленькой любопытной соседке и уже не обращали на нее внимания – видно, решили, что от нее вреда не будет.

Да, много интересного обещает лето. Если, конечно, не случится засухи, а на лугах вырастет достаточно травы для скота, а на полях – проса и гороха для людей.

Талинкино маленькое стадо – две «руки» овец и козы с козлятами – рассыпалось по уютной луговине между гор, все спокойно щиплют травку и ничем не беспокоятся. Овечки держатся плотной кучкой, как обычно, козы норовят забраться вверх по склону, к деревьям, встают на задние ноги и обрывают молодые листочки орешника. Шустрые козлята носятся по траве взапуски, звенят тонкими голосками. Угрюмый старый козел, вожак стада, то и

дело мемекает на них, чтобы не отходили далеко. Лохматый остроухий Снежок растянулся у Талинкиных ног, вывалил язык и лениво хамкает, ловя прыскающих мимо кузнечиков. Время тянется мирно и медленно, можно заняться своим делом – низать прошлогодние желуди на нитку. Получатся замечательные бусы. Жаль, до рябины еще далеко – она еще только зацветает, пушится белыми гроздьями. Рябиновые бусы рдеют, как настоящий жар, – с ними никакой Злыдень не страшен. Небошь, испугается обжечься, да и убежит.

Но желуди тоже хороши. Округлые, полновесные, как речные камушки. Если их надеть, будешь похожа на Великую Богиню. Бабушка говорит, она носит бусы из ягод и семян, венок из трав и цветов да еще каменный пояс. Одежда ей не нужна, потому что волосы до пят греют лучше шерстяного плаща. Венок, пояс и бусы – у Богини тоже три круга защиты от Злыдней, как и у людей.

Талинка так сосредоточилась на работе – надо быть очень осторожной, когда прокалываешь скользкие желудевые бока костяной иглой и протаскиваешь нитку – что не заметила, как все вокруг неуловимо изменилось. Смолкли птахи в ветвях орешины, притих ветер. Она вздрогнула и подхватила с места только тогда, когда овцы шарахнулись прочь, вниз по склону. Здоровяк Снежок, не боявшийся даже волков, вдруг вздыбил загривок, прижался к ее ногам и совсем по-щенячьи заскулил. Перепуганные собачьи глаза уставились на лесную опушку, где между берез заворочалось что-то мохнатое, громадное, как медведь.

От ужаса у Талинки отнялись ноги: из кустов на нее внимательно смотрели два огромных глаза. Радужные, круглые, без белков и зрачков, они не были похожи на глаза человека или зверя. Существо, которому они принадлежали, стояло на двух ногах (или лапах?), его бесформенное тело густо заросло лохмами бурой шерсти. Даже лицо (или морда?) было сплошь пушистое. «Лесовик!» – пронеслась мысль. Существо грузно качнулось вперед, под немигающими глазами открылся и разъехался в гримасе-улыбке толстогубый рот. Оно загудело будто успокаивающе и протянуло вперед косматую лапу. Талинка, сама не зная, как это получилось, тоже шагнула навстречу и вытянула руку. Ладонь защекокала мягкая шерсть. Лесовик осторожно положил ей в руку что-то гладкое и прохладное и сжал Талинкины пальцы. Снова загудел и попятился в чащу.

Он давно исчез, а Талинка все стояла неподвижно, сжимая кулачок. Страх как-то незаметно растворился, и сердце билось от непонятной радости. Потом, опомнившись, она опустила глаза вниз, разжала пальцы и ахнула.

Ей показалось, что в ладони сияет ломтик неба. Это был камень, невиданный, сказочно прекрасный – нежно-голубоватого цвета, как

тающая в лунном свете льдинка или речная струя в безоблачный день. Где-то в глубине сквозь полупрозрачную твердь мерцали и вспыхивали искры. Камень был величиной с крупную речную гальку, но не округлый, а угловато-бугристый, с гладкими, будто шлифованными гранями. Они почему-то казались сладкими, их так и хотелось лизнуть языком. А еще от прикосновения камня становилось легко и приятно на душе, будто старший родич обнимал за плечи и обещал защиту. Талинка подняла руку с камнем вверх и сквозь него увидела ослепительный солнечный луч.

«Дождемся знака», – вспомнила Талинка бабушкино пророчество. Может, небесный камень – это и есть знак? Так что же, она стала взрослой?

Талинка счастливо рассмеялась и поклонилась в сторону леса: – Спасибо, батюшка-Лесовик!

Прижала драгоценный подарок к груди, позвала Снежка и бегом припустилась к ручью – собирать разбежавшееся стадо.

2. Внуки Медведя

Надо же такому случиться: еще вчера Талинка с Рыжиком были друзьями, а сегодня чуть не подрались, а все из-за степных гостей.

Третий день они, гости, стоят лагерем на противоположном берегу Реки¹, и третий день на этом берегу, в Медвеьем поселке, не утихает суета.

Вечерами, тревожа спящую воду, несутся по ветру звуки бубнов и обрывки песен. На вершине горы Спящего Пса² зажигается огонь, и пламенная дорожка бежит поперек течения прямо к Медвежичам.

Женщины поселка норовят найти себе неотложные дела поближе к берегу, чтобы за работой нет-нет да и глянуть из-под ладони на далекие шатры гостей. Мужчины взялись перетряхивать добытые за зиму шкуры, прикидывать, сколько можно за них выручить, осматривают лодки и спешно чинят пробоины и трещины.

Каждую весну, когда сходит половодье и высыхают дороги, караваны привозят в охотничьи поселки бронзовые ножи, накопечники копий и топоры для мужчин, браслеты и бусы для женщин. Взамен мешки гостей наполняются пушистыми мехами, свежим медом и вяленой осетриной.

Дядька Первоцвет из «большого дома» спозаранку отправил-ся за реку с ворохом шкур. Их тащили на плечах, сгибаясь под тяжестью, двое его дюжих братьев. Среди мехов была и связка белоснежных горностаев, добытых Талинкиным отцом. Отец метко бил их стрелой в глаз и снимал шкурку «варежкой», не разре-

зая брюшка. Если шить их вместе – получится красивый плащ с мехом на две стороны. Такой плащ не стыдно надеть и самому великому вождю, говорили взрослые. Хитрый Первоцвет еще весной выманил шкурки в обмен на бронзовый топор. Мог бы, конечно, двоюродному брату и так отдать топор, тем более не новый, зазубренный, но дядька пожадничал. На то у него была своя причина, и о ней без утайки рассказала болтушка Ланка, сестра Первоцвета.

По словам Ланки, ее упрямый брат опять задумал жениться. В его действительно большом доме уже хозяйничали две жены. Старшая, Туча, была из племени Земляных – они издавна жили далеко за горами – там, где Река течет вспять, вслед за солнцем. Как и все Земляные, Туча была смугла до черноты, с широким приплюснутым носом и темными, всегда влажно блестящими глазами. Об этом племени здешний люд знал немного – старухи шептались у костров, что темнокожие знают древнее колдовство и что их предки были когда-то самым многочисленным и могущественным народом по берегам Реки.

Тетке Туче, впрочем, никакое колдовство не помогло стать матерью. Муж терпеливо ждал три-четыре года, а потом взял в дом другую жену – Милушу. Но, видно, боги разгневались за что-то на самого сильного мужчину племени Медвежичей. Милуша принесла ему трех дочерей и только одного сына Рыжика. Кого учить охотиться и сражаться? С кем ходить на охоту и рубить дрова? Кто защитит и прокормит его в старости и немощи? Не придется ли одиноко коротать зимние ночи в дальнем углу землянки, куда и тепло очага-то не доходит? Вот, видно, с этих-то нелегких дум и решился Первоцвет посвататься в третий раз – в дальний поселок солеваров, лежащий к западу от гор. По слухам, его будущая жена Тишня была красавица и мастерица прясть крапиво. Ей-то и предназначались бронзовые браслеты и подвески, за которыми гнали сейчас лодки Первоцветовы братья.

Конечно, все родичи побросали свои занятия и собрались на берегу, чтобы проводить лодки. Дядька Скородум, глядя на Первоцвета, тоже отправился за реку с парой волчьих шкур, и братья Остролисты повезли гостям горшки с медом, и даже неудачник Торопыга наскреб мешочек добра для обмена. Женщины громко обсуждали товары, спорили, кто из охотников сколько привезет. Талинкина бабушка села поодаль на пенек и хмуро наблюдала за галдящей родней.

– Чем бронза лучше кремня? Она мертвая. В ней злой дух спит, – наконец сказала она будто бы про себя, но ее услышали.

– Опять ты за свое, мать, – с досадой проворчал дед Сила, отец Первоцвета. – Что может быть лучше бронзы? Будто не знаешь, что бронзовый топор не ломается, когда рубит дерево, и не гнется в волчьих ребрах. А как сияет – ярче самого солнца!

Бабушка не удостоила его ответом. Прошептала что-то, отвернулась и ушла по тропинке к поселку.

Талинкины мать с отцом вместе с другими родичами остались стоять у воды – смотрели на вереницу удаляющихся лодок. Отец хмурился. Он не поехал – ему было нечего отдать гостям. Мать улыбулась, взяла его за руку и что-то сказала. «Не нужны мне браслеты», – услышала Талинка и вздохнула. Жаль, что мать так огорчилась. Хотя и скрывает, но по лицу видно: ей очень хочется примерить звенящие витые браслеты со змеиными головами – знаками Подземного Бога. Такими, как у тетки Тучи. Туча никогда не болеет – уж наверняка, ее охраняет сам Подземный, не дает Злыдням прилипнуть к ее рукам. Руки у тетки темные, как мокрая земля, и яркая бронза на ней сияет ярче молнии – это очень красиво.

У Талинкиной матери руки тоже красивые – сильные, загорелые, как солнце. Эти руки умеют все! И ласково погладить Талинку по голове, и пустить стрелу в зайца, и увязать сноп спелого проса, и даже справиться с непокорной кобылой Карюхой! Талинка всегда гордилась тем, что ее мать – единственная женщина в поселке, которая ездит верхом и умеет охотиться. Жители окрестных поселений по старинке относятся к лошадям с недоверием и в лучшем случае позволяют им волочить домой поваленные деревья. Сесть же на конскую спину отваживаются только мужчины, да и то не каждый. Поэтому на своевольную женщину, которая не признавала общих правил, родичи поглядывали с неодобрением, но помалкивали.

Зато как хороша Талинкина мать, когда гонит Карюху вскачь по горной тропе! Талинке всегда думалось, что она похожа на Великую Богиню – длинные волосы цвета меда, бронзовое от загара лицо, чуть-чуть вытянутое, удлиненное, с прямым носом и широкими глазами. Отец тоже хорош собой, но совсем на нее не похож: лицо широкое, скуластое, как у всех Медвежичей, а нос будто утиный клюв. Талинка уже знает, отчего они такие разные: мать ее родом из Странников. Они жили далеко, где-то на берегу Сока, за горой Спящего Пса. Там и встретил ее когда-то отец. В ту весну он, тогда еще холостой парень, приехал к Странникам на осеннее торжище. Талинка, наслушавшись бабушкиных рассказов, много раз представляла себе эту первую встречу.

Вот идет по лужайке славный молодой Медвежич, оглядывается, где бы разложить свой товар – связки мехов, кусочки желтой серы в плосках и бруски шершавого песчаника, пригодного для заточки ножей. А навстречу едет верхом на кобыле девушка в мужской одежде и шапке, да еще с оружием! Отец увидел такое зрелище впервые и так растерялся, что замер посреди дороги с открытым ртом. Сзади крикнули, чтобы он посторонился. Отец неловко отпрянул и выронил свой короб с добром. Всадница ахнула, соскочила с лошади и принялась подбирать с травы рас-

сыпанную серу. Отец потом рассказывал, что сразу решил: без нее домой не вернется. Он принес, как требовал обычай, подарки ее роду, но Странники оказались несговорчивы. Они заявили, что согласны отдать девушку сыну Медведей, только если он останется в их лагере. По их законам, жених переходил в род невесты до тех пор, пока не вырастут дети. Родители отца возмутились – слыханное ли дело, мужу идти вслед за женой! Может, еще заставят хозяйина дома по воду ходить и коров доить? Не бывать такой свадьбе! Но отец не послушал никого и остался у Странников.

А через пять лет Странники вдруг засобирались уходить. Куда-то далеко и насовсем. Отец не пошел с ними и вернулся к Медвежичам. Вернулся вместе с женой-странницей и маленькой Талинкой. Да вот еще бабушка с ними осталась. «Как же брошу дочку среди дикарей, которые поклоняются зверям, – говорила она. – Заклюют они ее. Да и стара я для дороги. Пусть без меня идут».

Бабушка, конечно, преувеличивала. Медвежичи, хотя и чтили своего могучего предка, но давно уже не приносили ему жертв, и тропа в старое святилище заросла дикой вишней и можжевельником. Талинка только по рассказам старших знает, что там прячется в скалистом обрыве пещера, а в ней лежат громадные медвежьи черепа. Живьем таких чудовищных медведей никто никогда не видел – старики говорили, что черепа очень древние и, возможно, принадлежат самим прародителям.

В знак уважения к ним каждый охотник поселка носит на шее заветный амулет – медвежий коготь или зуб.

Талинка незаметно потрогала свой собственный амулет – небесный камень. После той встречи с Лесовиком она с ним никогда не расставалась, носила под рубахой в крохотном мешочке. Вот только странно, что в ее жизни с тех пор – то есть целую Луну – ничего не изменилось, разве что живет она теперь не у родителей, а в бабушкиной хижине за околицей поселка. Может, боги забыли про нее? Надо бы спросить у бабушки...

Талинка повернулась и потихоньку пошла к поселку. Тут-то ее и нагнал Рыжик. Дернул за рукав и похвалился:

– А мне отец нож привезет! Настоящий!

– Глупый ты, Рыжик, – ответила Талинка. – Ты еще не охотник, ты маленький. Нельзя тебе нож. Отец твой просто пошутил, а ты поверил.

– Ничего не пошутил! Раз сказал – привезет, значит, привезет! Он обещал! – упрямо повторил Рыжик.

Талинка вздохнула. Ей не хотелось спорить с братишкой. Но тут она вспомнила бабушкины слова и повторила:

– В бронзовом ноже злой дух спит. Зачем он тебе?

– Какой еще дух? Что ты врешь? – Рыжик совсем обиделся и даже сжал кулачки.

- Злой дух. Бабушка так сказала.
- Значит, врет твоя бабушка! Нет там никакого духа!
- Что ты сказал? Бабушка врет?!

Этого Талинка стерпеть не могла. Она прыгнула к Рыжику и схватила его за волосы, но тот так завопил, что она тут же разжала пальцы. Подоспели взрослые и растащили драчунов. Ни тот, ни другой так и не сознались, из-за чего вышла ссора, и их оставили в покое.

...К вечеру они помирились. Рыжик заявился к Талинке в гости с увесистым свертком. Положил у порога, сел на пол, развернул листья. По хижине тут же поплыл аппетитный запах печеной рыбы.

– Вот, – сказал Рыжик, глядя в пол. – У нас сегодня белая рыба. Мама вам прислала.

– Спасибо, Рыжик, – Талинка улыбнулась. – Что, понравился тебе нож?

– Нету ножа, – вздохнул Рыжик. Помолчал и добавил: – Знаешь, я, когда вырасту, уеду далеко-далеко.

– Куда?

Рыжик опять замолчал. Спросил нерешительно:

– Никому не скажешь? Нет? Я путешествовать пойду. С гостями. Сам себе новый нож добуду.

3. Первый хлеб

Хорошо у бабушки! У нее хижина совсем не такая, как другие. У других все просто и обыденно – очаги, земляные нары, глиняная утварь, отцовское оружие и мотыги в углу – и все. А у бабушки дома все необыкновенно, все интересно!

Хотя на первый взгляд этого не заметишь – вроде обычная полуземлянка с двускатной крышей, которая упирается прямо в землю. Но подойдешь поближе и увидишь странное – над входом висит выбеленный солнцем конский череп; бабушка давно обещает рассказать, зачем он там нужен, да все откладывает. Вход закрыт лошадиной шкурой, а за ней, внутри, сгустился уютный полумрак, стоит терпкий запах дыма и сушеных трав – они пучками висят на веревке между столбами. Когда кто-нибудь в поселке заболит, бабушка долго перебирает засохшие стебли и цветки, перетирает их между пальцами, нюхает и сыплет в кожаный мешочек. Корни и ягоды она толчет в ступке, а потом заваривает все вместе в особом глиняном горшке с непонятными узорами на боках. Талинка не помнит ни одного раза, чтобы бабушка ошиблась в выборе лекарства, но сама бабушка уверяет, что это Богиня всегда подсказывает ей, что делать.

В углах, где скаты крыши смыкаются с невысокой земляной стенкой, у бабушки хранится множество таинственных и непонятных предметов: берестяные короба и туески с крепко завязанными крышками, каменные и глиняные фигурки, изваянные неведомо кем и когда, чаши и флаконы из необычного материала, похожего на черный гладкий лед. Трогать их не разрешается, но смотреть можно, и Талинке это занятие не надоедает никогда. Еще бы! Таких странных фигурок больше нет ни у кого: здесь и боевая колесница странников, и рогатые боги, но больше всего Талинке нравится «сидящий человек». Сидит он себе на корточках, запрокинул огромную голову к небу, будто ждет какого-то важного знака. Только знака все нет да нет, и каменный человек все так же терпеливо сидит и смотрит в небо.

В самом темном углу хижины, напротив входа, спрятался маленький ткацкий станок, на его верхней перекладине дремлет ушастая сова. Когда-то бабушка нашла в лесу совенка с перебитым крылом, взяла его к себе и вылечила. Совенок выздоровел, но улетать не захотел – так и прижился у бабушки в хижине. Теперь он целыми днями неподвижно сидит в углу и только изредка сонно потягивается, расправляя крылья. После захода солнца, чуть только начнет темнеть и где-то в углу заводит песню сверчок, птица просыпается, начинает возиться и ухать, топорща перышки на горле, а потом бесшумно снимается с места и улетает. Талинке никак не удается застать, когда она возвращается – наверное, еще до восхода, когда сама Талинка еще сладко спит.

Еще у бабушки есть большой бубен с туго натянутой кожей (он висит на крючке под потолком), глиняные баночки из-под краски и огненно-красное шерстяное покрывало с желтой узорчатой каймой. Про покрывало никто в поселке, кроме Талинки, не знает – бабушка хранит его в нише под зимними шкурами, насыпав между складками цветки пижмы, и только пару раз в год достает оттуда, чтобы расправить, проветрить и встряхнуть от пыли. Талинке нравится гладить мягкую ровную ткань и разглядывать нездешние узоры по краям – интересно, чья искусная рука так ровно положила стежки один к одному, кто выкрасил нити в солнечно-желтый цвет, намного ярче, чем та краска, которую жители поселка отжимают из цветов купальницы?

Бабушка говорила, что покрывало очень старое и, вероятно, привезено из тех краев, откуда пришли Странники. Где лежат те края, бабушка так и не сказала.

...Хижина совсем маленькая, ведь бабушка живет одна, скотины не держит, в гости к ней заглядывают только женщины и дети, а мужчины по обычаю обходят ее жилище стороной.

Очаг в хижине всего один – бабушка и молится перед ним, и готовит еду. Огненный Хозяин не сердится на нее за это – ведь

бабушка питается только бескровной, «чистой» едой, которая угодна даже богам. Как раз сегодня особенный день: бабушка собирает печь хлеб, первый хлеб с нового урожая, она уже замесила тесто и поставила его «отдыхать», а на Талинку возложена ответственная задача – протопить пожарче очаг и прокалить камни. Конечно, в помощники к ней напросился Рыжик – его пока еще не посвятили в охотники, и он может сидеть у бабушки сколько вздумается, не рискуя навлечь гнев Домовых. Правда, это не нравится его отцу и деду, но оба помалкивают, боятся рассердить бабушку.

Так что Рыжик удобно устроился у очага и старательно подкладывает в огонь толстые березовые поленья, пока Талинка растирает в ступке остатки зерна. Работая, они успевают поболтать – разговор идет о камнях, которыми выложена очажная яма. Камни не простые – если внимательно приглядеться, на них можно заметить выпуклые знаки: изогнутые рожки и спиральные раковины, вдавленные в камень, как в мягкую глину; прозрачные длинные кристаллы, собранные в пучок наподобие солнечных лучей; скопления маленьких каменных зернышек, похожих на просо. Вот эти-то зернышки как раз и интересуют Рыжика и Талинку больше всего. Почему зерно окаменело? Может быть, боги разгневались на людей? За что?

Вошла бабушка, похвалила работников за хороший жар в очаге, расстелила на полу телячью кожу, пошептала над ней что-то неразборчивое и принялась разделять тесто. Талинка внимательно следит, как под ее морщинистыми, натруженными руками сероватый кусочек теста быстро становится плоской лепешкой. Бабушка размяла ее пальцами, растянула почти до прозрачности и ловко шлепнула на плоский раскаленный камень в очаге. Влажное тесто зашипело, сразу же запахло печеным, да так невыразимо вкусно, что у детей слюнки потекли – так захотелось попробовать свежего хрустящего хлеба! Но до времени просить еду нельзя – надо подождать, пока бабушка закончит печь и принесет жертву Огненному Хозяину. Пришлось набраться терпения и сидеть молча.

Бабушка перевернула лепешку деревянной лопаточкой, чтобы подрумянить ее с другой стороны. Готовая лепешка сразу стала похожа на маленькое солнце – такое же круглое, рыжее и горячее. Бабушка накрыла ее большим лопухом и принялась стряпать другую. Рыжик осторожно толкнул Талинку в бок.

– Бабушка, – напомнила Талинка, – ты обещала рассказать про каменные зерна. Откуда они взялись?

Бабушка помолчала, будто не слышала. Усмехнулась чему-то и, наконец, заговорила:

– Это случилось, когда первые люди в наши горы пришли, два брата. Они хлеба еще не знали, сеять не умели, проса никогда не

видели, одно мясо ели. Старший был сильный и удачливый охотник, а младшему боги не послали добычи. Ходил он, ходил по лесу, проголодался, а добычи все нет. Тут видит – пещера, а в ней зерно лежит. Много – целая гора! Попробовал брат зерно – видит, вкусно! Обрадовался он, каши сварил и наелся. Потом набрал зерна в мешок и домой унес. Сидит, веселится – много еды! Вдруг видит: к нему старший брат идет. Говорит: никого я сегодня не подстрелил, видно, боги разгневались не меня, дай мне немного зерна, а то дети дома голодные. А младший ему отвечает: нету зерна, я его в поле посеял, ничего не осталось.

– Обманул брата? – с ужасом прошептал Рыжик.

– Обманул, – кивнула бабушка. – Ну вот. Ушел голодный брат ни с чем, а младший на другой день опять пошел в пещеру, хотел еще зерна набрать, а нет! Все зерно превратилось в камень. Так боги его наказали.

– И камень никогда больше не станет зерном? – спросила Талинка.

– Никогда.

Талинка подумала, посмотрела на стопку горячих лепешек и снова спросила:

– А откуда же снова зерно появилось? Из другой пещеры?

Бабушка тоже задумалась.

– Может быть, из другой, – сказала она не очень уверенно. Разломала лепешку и бросила кусочек на горячие угли:

– Кушай, Агни, – бабушка всегда произносила имя домашнего бога на языке Странников. Посидела, наблюдая, как язычки огня жадно поедают жертву, высыпала туда же щепотку ароматного можжевельника, подышала дымом. И только потом дала детям по половинке лепешки, придвинула горшочек с простоквашей.

– Вот бы мне такую пещеру найти, – мечтательно протянул Рыжик, прожевывая свою порцию и облизывая простоквашу с пальцев.

Бабушка посмотрела на него очень внимательно и сказала:

– Может, и найдешь. Только смотри – береги ее.

4. Сотворение мира

– Вот смотри, девочка, это наша земля, – бабушка разглаживает пальцами глиняный кружок. – Нижний мир. Здесь живут люди, звери и хранители...

Талинка, примостившись рядом, смотрит, как бабушка налепляет по краю кружочка глиняную ленточку. Снова разглаживает заготовку, смачивает водой из плошки. Остальные женщины поселка сидят тут же – устроились в тесный кружок вокруг боль-

шого плоского камня, разложили на нем кучки влажной коричневой глины, старательно раскатывают тонкие жгутики. Здесь и Талинкина мать, и тетка Туча, и Ланка, и Милуша, и молодая жена дядьки Первоцвета – Тишеня. Она и вправду очень скромная, застенчивая, часто краснеет и никогда не поднимает глаз. Работает молча и быстро – пальцы так и мелькают, а на запястьях побрякивают новехонькие браслеты.

Старшие первоцветовы жены демонстративно от нее отвернулись – уселись рядышком, как подруги, то и дело шепчутся и хихикают. Бабушка посматривает на них строго, но ничего не говорит, только головой покачивает. Ревнуют, что с ними поделаешь.

Уже вечереет, солнце клонится к закату, от гор протянулись через долину длинные тени. Из оврага тянет промозглой сыростью. Становится холодно – наверняка в ночь подморозит, и пожухлая осенняя трава покроется ледяными серьгами. Женщины торопятся – надо закончить работу до темноты, и тогда уже можно будет сложить новую посуду в костровую яму, навалить побольше хворосту и до утра веселиться у жаркого огня. А утром, глядишь, охотники вернутся с богатой добычей и будут жарить ее – единственный день в году – сами, как холостяки.

– Стань крепким! Будь высоким! – приговаривает бабушка, навивая вокруг доньшка горшка ленточки – будущие стенки. И остальные женщины вслед за ней повторяют: – Встань прямо! Будь большим!

– Вот воздух между землей и небом, – бабушкин палец, темный от глины, осторожно касается выпуклой стенки горшка. – Средний мир. Здесь летают птицы и ветры, несут вести людям.

По краю новорожденного сосуда бабушка укрепляет толстый венчик, продавливает изнутри пальцем четыре шишки. Бережно охватывает шершавые бока ладонями, как коровье вымя, и продолжает:

– Вот пояс Великой Матери, а вот сосцы небесной коровы. Пусть же будет этот сосуд наполнен пищей вечно, как небо, набухшее тучами, как земля, обильная зерном...

Краем глаза Талинка видит, как Милуша, будто нечаянно, толкает Тишеню под локоть.

– Ох! – почти готовый горшок в руках Тишени сложился пополам, будто отвесил земной поклон.

– Вот косорукая, что натворила! – в один голос закричали тетки, но бабушка так на них посмотрела, что они замолчали и еще усерднее принялись оглаживать свои горшки. Тишеня, сжав губы, низко опустила голову, вытерла слезы и молча взялась чинить смятую посудину.

Бабушка тоже помолчала, потом вздохнула и отставила свой горшок в сторону. Кивнула Талинке: можно лощить. Талинка

осторожно водит по скользким бокам гладкой галькой и продолжает наблюдать, что делает бабушка.

А бабушка взяла в руки тонкую щепочку и пишет узоры на горшке, услужливо подставленном теткой Тучей.

– Вначале не было ничего, – говорит вдруг она, продавливая борозду вокруг горшечного тулова. – Потом появилась вода. Вода породила огонь. Огонь согрел воду, и в ней зародилось яйцо. Через год из яйца вышел Прародитель. Он разбил яйцо надвое. Верхняя половина стала небом, нижняя – землей, а между ними Прародитель поместил воздух. Из разума Прародителя появился месяц, из глаз – солнце, а из дыхания – ветер. А из своего тела Прародитель создал людей...

Рассказывая, бабушка покрывает горшок знаками снизу доверху. Талинка смотрит на зигзаги, ромбы, крючковатые кресты и косые угловатые гребенки и удивляется, как это они еще вчера казались ей непонятными. Она глянула вокруг: видит ли кто-нибудь еще это чудо?

Но мастерицы сосредоточенно лепят, не поднимая головы, и лишь изредка бормочут про себя слова заклинания: «Встань прямо». Только мать на мгновение оторвала глаза от работы и улыбнулась Талинке. Тетка Туча и Милуша по-прежнему шепчутся, сблизив головы. «А он меня каак обхватит сзади – у меня аж сердце зашлось...» – расслышала Талинка. Высокая худая Цапля, жена дядьки Остролиста, выпростала налитую грудь из разреза рубахи и стала кормить своего малыша. Лицо у нее дремотное, глаза прикрыты – устала за день. Других детей поблизости нет – они остались в поселке под присмотром старших незамужних сестер. И Рыжик где-то там, скучает с девчонками.

Талинке захотелось сейчас же побежать домой, развернуть красное покрывало и прочесть узоры, вышитые на его краях – должно быть, там записана история еще интереснее, еще длиннее.

Но бежать нельзя. Тем более что бабушка берет следующий горшок и начинает новый рассказ.

– Первые люди хорошо жили. Далеко-далеко отсюда. Молока, рыбы и орехов было вдоволь. По долинам текли полноводные реки, на берегах паслись несметные стада коров. Но потом случилась беда: явился страшный Снеговой и сковал реки льдом. Вся земля покрылась снегом, метель замела и поля, и пастбища вместе с коровами. Огромные ледяные горы поднялись до самого неба и преградили путь Солнцу. Наступила долгая ночь – длиной в целую зиму. Люди собрали пожитки, навьючили лошадей и пошли искать жилище солнца. Но Снеговой догнал их, засыпал дороги снегом, и лошади не смогли идти дальше. Тогда люди взмолились богам, стали просить помощи. Услышал их мольбы могучий Громовик и быстрым орлом слетел с небес. Заревел, как тысяча

быков, ударил Снеговя своей тяжелой палицей. А палица эта сделана из целой вековой сосны – вот какой сильный Громовик. Убил он Снеговя, разрубил его на мелкие куски и разбросал по земле. Ударил палицей по ледяным горам и разбил их вдребезги. Тут и Солнце вышло на небо, растопило снег. Реки снова потекли по земле, и коровы вышли из ледяных пещер на волю. Куски тела Снеговя тоже растаяли и превратились в ростки проса...

Талинка слушает бабушку и смотрит на темнеющее небо. Оно уже налилось густой синевой, редкие пряди облаков чуть-чуть отсвечивают розовым, как зимние сугробы.

Да ведь это не облака, это и вправду сугробы – высокие ледяные горы, порожденные Снеговеем. Сугробы тают, растворяются в небесной синеве – или это вода?

– Смотрите, наша мудрая Знающая спит, как ягненок, – слышит Талинка издали чей-то насмешливый голос и вдруг понимает, что стоит в воде по колено. Она на мгновение опускает глаза и видит, как вокруг ее икр закручиваются мутные холодные струи. Откуда такое сильное течение? – успевает подумать она. И когда снова поднимает глаза, крик ужаса замерзает у нее в горле: между гор стремительно несется пенный гребень чудовищной волны. Вот он уже совсем близко, уже заслонил собой небо... Талинка пытается дернуться, убежать, но не в силах даже пошевелиться. Она беспомощно смотрит, как гребень сламывается пополам, как горшок в руках Тишени, и клокочущая, ревущая гора воды обрушивается прямо на нее.

– Мама! – кричит Талинка и тут же чувствует, как ее сильно трясут за плечи. Она открывает глаза и видит испуганные лица матери и бабушки. Из-за бабушкиного плеча выглядывает тетка Туча, она держит факел – оказывается, уже совсем стемнело.

– Что ты видела, девочка? – серьезно спрашивает бабушка. – Что ты видела?

Талинка переводит дух: как хорошо, что это сон! Всего лишь сон! Какое счастье!

Она сбивчиво пересказывает свой кошмар и невольно вздрагивает: до чего похож на явь, просто жутко.

– Таких волн не бывает, – робко шепчет кто-то из женщин. – Пустой сон!

Талинка и сама знает, что не бывает. Но тут же ей кажется, будто все это с ней уже случалось: ледяные горы, огромная волна... И чувство полной беспомощности. Она даже потеряла ладонями коленки – а вдруг снова вода прибывает?

Бабушкино лицо мрачнеет. Она отворачивается, долго молчит и медленно качает головой.

– Беда будет, – наконец говорит она. – Большая беда к нам придет, детки. Защити нас, Великая Мать...

5. Свадебные бубны

Как долго тянулась зима! Талинке казалось, что она никогда не кончится. Странная была зима: даже старики не помнили, чтобы снег так сильно запаздывал. Уже давно улетели лебеди и утки, дни становились все короче, а от ночных морозов трескались в лесу деревья. По Реке с шуршанием плавало ледяное «сало» – намерзло у берега ноздреватой белой коркой, а земля так и оставалась сиротливой и голой.

– У нас две Знающие – старая и малая, – а снегу ни одна не может намолить, – съязвил как-то дед Сила.

– Может, твой бронзовый амулет поможет? – не осталась в долгу бабушка.

Первый снег выпал только после праздника самого короткого дня. Сначала из-за Реки напоззли сизые угрюмые тучи – сразу стало темно, будто сумерки наступили. Потом повалили крупные мягкие хлопья. Они мгновенно наполнили собой весь мир, сделали его нарядным и светлым. Обрадованная детвора затеяла в сугробах веселую возню, но снег валил все гуще и гуще – и, в конце концов, загнал всю ораву под теплые крыши. Талинка украдкой отгибала краешек шкуры, закрывающей вход, и смотрела, как в черном вечернем небе мельтешит снежная круговерть. Может быть, это Снеговой вернулся и завивает кольцами свое огромное змеиное тело? Ей вспомнился тот осенний кошмар про смертоносную волну, но она ничего никому не сказала.

Под утро снегу нападало в человеческий рост. Метель, наконец, утихла, но весь поселок оказался в снежном плену. Мужчинам пришлось прокапывать дорожки от хижин к сеновалам, чтобы женщины могли накормить скотину. О том, чтобы идти на охоту или рыбную ловлю, не могло быть и речи. К счастью, запасов было достаточно, чтобы спокойно ждать, пока снег хоть немного осядет, уплотнится, и можно будет ходить на снегоступах.

Никто еще не знал, что за первым снегопадом придут новые, еще более жестокие бураны. Старики качали головами и снова говорили, что не помнят на своем веку таких напастей. И вздыхали: ох, не к добру это. Дед Сила и тут не преминул подковырнуть:

– Это вы перестарались, ведьмы!

И непонятно было – шутит он или говорит всерьез.

Охота по-прежнему не ладилась: лес, заваленный снегом почти по самые макушки, опустел. По ночам к поселку близко подходили голодные волки. Учувя запахи жилья, подолгу выли, пугали малышей. Коровы тоже тревожились, протяжно мычали в клетушках. Зато как хорошо было сидеть у пылающего очага, вышивать на рубахах узоры крашеной шерстью и слушать бесконечные бабушкины истории! Бабушка сказала, что знает их с самого

детства от странников-гостей. Давным-давно они кочевали в тех местах, где жило бабушкино племя, и провели в хижине ее родителей почти целую зиму. Бабушка запомнила их удивительные рассказы и теперь с удовольствием пересказывает внучке. Талинка уже выслушала сказание о великом вожде, который один из целого племени сумел натянуть тетиву на волшебный лук, дарованный богами. Потом он женился на самой красивой девушке из соседнего племени и ушел с ней жить в лес. Невидимые духи позавидовали красоте молодой жены, украли ее и увезли на летающей медной колеснице. Вождь долго страдал в одиночестве, но Лесовик сжалился над его горем, помог сразиться с похитителями и вернуть свою красавицу домой. Талинка любила представлять себе, как все было: вот по небу несутся темные тучи, под ними бушует река, и мчится сквозь грозу сияющая колесница, почему-то похожая на остроносую лодку. Река в талинкиных мечтах-фантазиях была безбрежной, по ней ходили белопенные волны-горы и плыли вереницы лодок, закрытых сверху.

Рассказывала бабушка и другую историю – о мальчике, который знал тайну невидимого огня. Однажды на его племя напали враги, подожгли хижину и бросили мальчика прямо в пламя, но он вышел из пожара живым и даже не обжегся – невидимый огонь окружил его и сделал неуязвимым.

Часто к ним с бабушкой приходил Рыжик, приносил от матери лепешку, то горшок простокваши, садился к огню и шепотом рассказывал, что весной непременно пойдет искать пещеру с сокровищами.

Он так и сделал. Еле дождался, когда сойдет снег и подсохнут овраги, и стал потихоньку пропадать в горах. Где он бродил, Рыжик никому не рассказывал, но свое открытие все-таки сделал. Все случилось весной, во время праздника сева, у березок.

...Сидя под горой на краю священной поляны, Талинка наблюдала, как женщины и девушки кружатся хороводом вокруг старой березы: жены и матери идут по внешнему кругу, юные невесты – по внутреннему. Здесь и Милуша, и Ланка, и Тишенья – ее живот заметно округлился. Вместо обычных кожаных рубах на них надеты белые, вытканые из крапивных волокон, с длинными рукавами до земли. Волосы распущены, на лицах застыло блаженство – зима осталась позади, ушли морозы и бураны, все живы и согреты, весна пришла!

В центре круга, разметав черные кудри и напевая, пляшет тетка Туча. В ее руках рокочет бубен, будоражит в жилах кровь, не дает усидеть на месте.

Тумпу-тумпу-тум-БУМММ! Тумпу-тумпу-тум-БУМММ!

Пять частых торопливых ударов и один громкий, «с оттяжкой» – в такт ему все быстро наклоняются и ударяют рукавами

оземь. Лицо у тетки Тучи блестит от пота, белки глаз и зубы сверкают в отблесках костра. Это долгожданный день ее торжества, ее древней родовой магии, ее главный день в году.

Бабушка не принимает участия в хороводе и сидит рядом с Талинкой – не любит шума и суеты. «Если хочешь, чтобы боги тебя услышали, незачем беситься», – сказала она однажды. Талинке тоже разрешено посидеть в сторонке, женский обряд ей не нужен, – она ведь замуж не собирается.

Бубен рокошет все быстрее, женщины кружатся и бьют рукавами все самозабвеннее, выкрикивают призывы к Богине. Всеобщее исступление стремительно нарастает и...

Вот оно! Откуда-то из-под земли в лад с теткинским бубном вдруг донеслось глухое тягучее «БУМММММ!» – будто кто-то ударил палкой в огромную полуя колоду.

Богиня пробудилась.

Талинка тоже подпадает под чары волшебного танца, заморожено следит за круговоротом белых рубах и разлохмаченных волос. Ей кажется, что танцующих становится больше, их ноги отрываются от земли, а лица меняются до неузнаваемости. Хоровод совсем затапливает поляну... Или это лебеди в озере машут крыльями, поднимают брызги?

Как раз в это мгновение в чаще позади нее трещат сучья – кто-то продирается через кусты.

– Талинка, а Талинка! – слышит она громкий шепот. Наваждение тут же исчезает.

– Рыжик, ты что здесь делаешь? Тебе нельзя сюда! Иди к мальчишкам.

– Да ну их! Они там деда слушают возле сплетенных корней, – Рыжик мотнул головой в сторону мужского источника и добавил насупясь: – Белую телушку в жертву принесли. Мою телушку зарезали! Не хочу я с ними сидеть. Иди лучше сюда, чего покажу!

Оглянувшись на бабушку – она все так же неподвижно сидела на пеньке, подобрав ноги, – Талинка осторожно попятилась в кусты. Рыжик схватил ее за руку и потащил вниз, к оврагу. Из его сбивчивого, задыхающегося шепота Талинка понимает одно: пещера Великой Богини здесь, совсем рядом!

– Она там, прямо в камне, – повторяет Рыжик. – Прямо в камне... Свет в ней горит! Яркий свет!

Спотыкаясь, они бегут по тропе через лес, но Талинка вдруг останавливается. Впереди неподвижно стоит уже знакомый грузный силуэт. В сумерках тускло мерцают два круглых глаза, струится по телу пушистая бурая шерсть.

– Лесовик? – растерянно бормочет Талинка.

Рыжик прижимается к ней, испуганно озирается по сторонам.

– Где Лесовик? Ты зачем меня пугаешь?

Талинка не отвечает. Лесовик поднимает руку и молча прижимает палец к толстым губам. Качает головой. Талинка видит, как за его спиной, не касаясь земли, проплывает между деревьями несколько полупрозрачных фигур. Одна из них поворачивает голову и смотрит на Талинку. Туманное лицо кажется ей знакомым.

Тишняя!

Может ли такое быть?

Видение пропало, но Талинка продолжает стоять как вкопанная. Что-то нехорошее надвигается! Что?

Рыжик из всех сил дергает ее за руку:

– Да Талинка же! Что с тобой?

– Бежим к нашим, Рыжик, скорее!

Они не успели. Со стороны священной поляны донесся дикий вопль.

Вне себя от ужаса, Талинка кинулась бежать прямо через кусты. Вот и поляна. Хоровода на ней уже нет, испуганные женщины сбились в кучу, а возле березы Талинка видит жуткую, невероятную картину: ее отец и мать загораживают бабушку от дядьки Первоцвета, который наскакивает на нее с кулаками.

– Где моя жена? – бешено рычит Первоцвет, а сам старается добраться до бабушкиного горла. – Где она? Это ты, ведьма, наколдовала! Отдай мою жену!

Талинка вскрикивает, бросается к ним и хватается за рубашку.

– Не трогай бабушку! – кричит она. – Я видела! Ее духи утащили! Духи!

Первоцвет с ревом замахивается на нее кулаком, но отец успевает подставить ему подножку. Первоцвет теряет равновесие и утыкается носом в измятую траву. Сразу несколько человек хватают его за руки и плечи, прижимают к земле, пока он не исходит злобой и не затихает.

Тогда женщины, не сговариваясь, принимаются рыдать в голос.

Еще никогда светлый весенний праздник не заканчивался так ужасно.

За что Боги разгневались на них?

6. Самый длинный день

Талинка с бабушкой сидят на склоне горы, на самом краешке скалистого уступа. Очень приятно после долгого трудного дня прислониться спиной к замшелому камню и слушать звуки ночного леса. Дремотно стрекочут сверчки. Тихо и влажно шелестит под речным ветерком осиновая листва – будто сказку рассказывает, только слов не разобрать. Остро пахнет липовым цветом,

сосновой смолой и дубом – от этой одуряющей пряной смеси ароматов даже кружится голова. Из чащи, невесть из какой дали, доносится еле слышное кроткое «ку!» – это сплюшка коротает ночь в одиночестве.

Костры внизу, под горой, уже догорают, но люди и не думают расходиться – то и дело слышится смех и веселые выкрики. Кто-то с визгом носится взапуски по узкой песчаной полоске берега. Забегают в воду, шумно плещутся.

Талинка устраивается поудобнее, вытягивает затекшие ноги и косится на бабушку – она все еще угрюмо молчит, губы сжаты, брови сдвинуты. Расстроилась из-за очередной перепалки с дедом Силой.

Дед Сила сегодня долго смотрел, как женщины готовят священный свадебный напиток: кипятят в котлах молоко, смешивают его с медом и толчеными кореньями. Потом принес большое деревянное блюдо с сушеными шишками хмеля и громко заявил, что знает секрет настоящего напитка Богов. Он, этот напиток, без всяких кореньев подарит людям высшее блаженство.

Бабушка спокойно, но решительно возразила: «Этот секрет не Боги, а Злыдни тебе в уши нашептали». Дед рассердился и стал кричать, что у бабушки везде только одни глупые запреты, что она заставляет Медведей жить по законам каких-то чужеземных бродяг, которых давно уже и след простыл. Тогда бабушка спросила: не забыл ли ее мудрый брат, что его собственный род тоже пошел от племени Странников – по материнской линии? Тут уж дед совсем вышел из себя, замахнулся на бабушку посохом и велел убираться с глаз подальше. При этом он пообещал, что впредь будет гнать ее от своего порога как бешеную волчицу. Так и сказал – как бешеную волчицу.

Талинка задохнулась от негодования и хотела было ответить деду такими же грубостями, но бабушка молча сжала ее руку и потащила прочь. Талинкина мать окликнула их, хотела остановить, но бабушка только махнула ей рукой. Больше их никто не удерживал.

Они шли в гору не оглядываясь, пока поселок не остался далеко внизу, и остановились на взлобке недалеко от Каменных Рогов.

Так впервые праздник самого Длинного Дня прошел без бабушки. Впервые не она проследила, чтобы женщины правильно расстелили на берегу солому и полили ее целебным «земляным маслом» для бескровной жертвы Огню. Не она зажгла очистительные костры, чтобы люди могли избавиться от надоевших за зиму Злыдней и получить силу на весь будущий год. Она даже не стала приближаться, когда дед Сила с помощью сыновей исполнил главный обряд праздника – вкатил к подножию Каменных Рогов массивное дубовое колесо, облил его «земляным мас-

лом», поджег и пустил вниз под общий восторженный крик. Это означало, что Солнце спустилось с неба к своей супруге – Великой Богине, а она приняла его в облике рогатой коровы.

...Небо заметно светлеет, звезды растворяются в нем и гаснут. Шум на берегу как-то незаметно стих – наверное, все устали и разбрелись по домам спать. Рассветный ветерок легонько трогает воду, она покрывается зябкой рябью, кутается в туман. Из темноты медленно проступают очертания Каменных Рогов – два внушительных останца, торчащие из широкого лба горы³. Талинка смотрит на каменные острия, и ей кажется, будто они чуть-чуть двигаются, будто Богиня-корова укоризненно покачивает головой.

– Вот и закончился день Богов, – сказала бабушка, будто очнувшись.

– День только начинается, – робко возразила Талинка. – Вон солнце встает...

– Это человеческий день начинается, девочка. Короткий он. А день Богов ох какой долгий. Половину нашего года длится. Устали наши Боги. Вот сейчас медовой росы напьются вдоволь и спать пойдут. Полгода у них будет темная ночь. И к нам, видно, ночь идет, даром что светло...

Это было непонятно, но Талинка не решилась переспрашивать, тем более что бабушка сделала знак подниматься. Они встали и пошли в лес прямо по росистой траве, без дороги. Талинка сразу вымокла почти по пояс, но ей почему-то не было холодно. Первые солнечные лучи пронизывали листву сверкающими стрелами и быстро сушили росу.

Бабушка достала костяной изогнутый нож, скороговоркой произнесла заклинание и принялась за дело: аккуратно срезала пучки целебных трав, шептала над ними что-то неразборчивое и отдавала Талинке. Талинка стягивала пучок сушеной жилкой и продевала петлю на палку. Палку она несла для удобства на плече.

– Вот смотри, девочка, – это ласточкина трава, – приговаривала бабушка, показывая Талинке пучок длинных стеблей с резными мягкими листьями и мелкими желтыми цветами. – Если бы не она, так бы и ходил с коростой твой братишка. Раны она лечит, эта травка, нарывы, болячки разные.

Талинка взяла траву и сразу же испачкала руку густым оранжевым соком.

– Смотри не облизывай пальцы, – предупредила бабушка. – Отравишься.

Они перевалили через гору и спустились в сырой тенистый овражек, заваленный буреломом, затем снова поднялись по косогору и пошли по ровному лесистому плато.

– Ну, а эти цветы ты знаешь, – сказала бабушка, когда они остановились на солнечной сухой прогалине. Несколько лет на-

зад здесь прошел лесной пожар, но гарь уже успела густо зарастить тоненькими осинками и березками. Молодую поросль обгоняли в росте мощные травяные стебли с красивыми ярко-розовыми соцветиями. Они горделиво торчали вверх, как упругие гибкие копыя. Вокруг них деловито гудели пчелы.

– Плакун! – вспомнила Талинка.

– Правильно, плакун, – кивнула бабушка и осторожно срезала несколько цветочных кистей вместе с листьями. – Ох, как не любят его Злыдни! Запомни, девочка: лучше плакуна нету травы, если вдруг лихорадка-огневица одолеет, голову сдавит, горло завалит или в животе припекать начнет. И, гляди, мужчинам он пригодится... Да и женщинам тоже.

Так они ходили до самого полудня. Становилось жарко. Шест с травами на Талинкином плече заметно потяжелел и натирал кожу сквозь рубаху, мешочки на поясе у бабушки наполнились цветками липы, ромашки и пижмы. Наконец бабушка остановилась и велела отдыхать. Талинка с удовольствием сняла шест и пристроила его на развесистый сук, стараясь не помять собранную траву. Они с бабушкой перекусили ягодами земляники и улеглись спать в тени под черемухой.

То ли от усталости, то ли от дурманящего запаха увядших трав они мгновенно провалились в глубокий сон без видений и проспали дольше, чем собирались. Когда Талинка вдруг проснулась – резко, будто ее кто-то толкнул, – в лесу уже сгустились вечерние сумерки. Бабушка тоже открыла глаза, ахнула и заторопилась домой. Они спустились с плато по длинному широкому желобу и скоро вышли к открытой долине, поросшей редкими дикими яблонями и кустами боярышника. Непроходимые заросли ив показывали, Плавно изгибаясь между грядами лесистых гор, долина поворачивала на север, выходя устьем к реке. Отсюда до поселка уже рукой подать.

Быстро стемнело. Бабушка и внучка торопливо шагали по тропинке, огибая скалистый бок горы. Впереди уже виден Каменный Медведь – массивный угрюмый останец, действительно похожий на зверя, прикорнувшего у дороги. Рассказывали, что с этим камнем связана какая-то древняя страшная история о людях, исчезнувших под землей, но подробности давно забылись. Жители поселка, проходя мимо, на всякий случай шептали заклинания и просили Великую Богиню о защите.

Темная безмолвная громада приближалась, и вдруг...

Мощный луч света ударил откуда-то из толщи камня, ярким лезвием пронизал темноту и исчез в ивах.

Бабушка и Талинка застыли на месте. Не веря глазам, они смотрели, как в белом, нездешнем свете вдруг появились вереницы людей. Казалось, они выходили прямо из камня и двигались

тесной бесчисленной толпой, кутаясь в яркие плащи и загораживаясь от невидимого ветра. Многие мужчины сгибались под тяжестью тюков и корзин, женщины несли на руках малышей или поддерживали под руки ковыляющих стариков. Но самым странным в этой процессии была полная тишина: неслышно ступали по дороге тысячи ног, беззвучно плакали дети, высокий бородатый мужчина оглянулся на ходу и беззвучно прокричал что-то, размахивая руками. Одежда путников была мокрой, как от дождя, свирепый ветер рвал полы их балахонов, но вокруг не шелухнулся ни один листок, а на ясном небе не было ни облачка.

Талинка невольно проследила за лучом взглядом и обомлела еще больше: луч света не просто терялся в зарослях – нет, он резко обрывался прямо в пустоту, как обрубленный. Люди доходили до этой невидимой черты и исчезали за ней, будто проходили сквозь стену.

– Кто это, бабушка? – пересохшими губами прошелестела Талинка.

– Не знаю, девочка. Я такого никогда не видела, – отозвалась бабушка.

Еще некоторое время они смотрели, как все новые и новые путники устало бредут по световому туннелю, но видение вдруг исчезло так же внезапно, как и появилось – будто костер залили водой. Осмелев, Талинка на цыпочках прокралась вперед и потрогала шершавую каменную стену. Ни трещинки, ни впадины – ничего. Она нагнулась и осмотрела траву – ни единой примятой былинки, ни единого следа на влажной от росы земле. Будто и не было никого. И тут Талинку осенило.

– Вот она, та самая пещера, которую Рыжик искал, – сказала она. – Вот почему ее никто не мог увидеть. Ты понимаешь, бабушка?

7. Жара

Жарко. Сухо. От духоты никуда не деться. С самого утра, как только встает солнце, зной наваливается тяжелым грузом, отнимает силы и беспощадно придавливает к земле всякое живое существо.

Иногда на рассвете в небе собираются легкие облачка, но к полудню они вдруг стремительно уносятся ввысь и растворяются в раскаленной синеве, как щепотка соли в кипятке. Не помогли ни пляски с бубном у березок, ни огненное колесо – за все лето с неба не упало ни капли дождя. Земля на полях растрескалась, редкие жалкие ростки проса поднялись всего на пару пядей и так и не смогли заколоситься. С каждым днем они все сильнее сохли

и желтели. Трава на луговинах тоже завяла, пожухла и раскрошилась в труху под копытами стад. Коровы норовили улизнуть с пастбищ в лесную тень, искали пещерки и гроты в скалистых оврагах, но зной не давал им покоя и там. Тогда они брели к Реке, заходили по колено в теплую воду и понуро стояли там, опустив головы.

Каждый день приносил жителям Медвежьего поселка новые мрачные вести. Вот листья на деревьях начали сохнуть и сворачиваться – как же теперь заготавливать ветки на зиму для скота? Березы в священной роще, все как одна, дружно пожелтели – может ли быть знак хуже этого? Ягоды малины погибли еще в завязи, а грибы и вовсе не появились. Река так сильно обмелела, что обнажилось дно; наверное, ее можно было перейти прямо вброд до самого Спящего Пса. Голые отмели были устланы гниющими водорослями, ракушками и вздувшейся рыбой. Однажды ночью ветер принес с противоположного берега сильный запах гари: жители поселка побежали к воде и увидели жуткое зарево шириной в полнеба: это горела степь за Сладкой рекой⁴. Оба берега заволокло удушливым дымом, и долго еще лошади в панике храпели и фыркали, собаки выли, а коровы мычали, нюхая горячий ветер.

На следующее утро солнце встало в жуткой мгле, воспаленное и красное, как гневный глаз.

Не требовалось никакого колдовства, чтобы угадать ближайшее будущее: поселок ждала голодная зима. Многие ли доживут до весны?

По ночам в поселке тихо и жалобно плакали женщины, качая измученных жарой малышей: как прожить без хлеба, без рыбы? Как прокормить зимой скотину без сена и веток? Как бы не пришлось остаться и без мяса, и без молока...

– Где же ваша волна? – уже не скрывая злобы, спрашивал дед Сила у бабушки. – Пусть придет, пусть лучше затопит нас!

– Волна давно здесь, – коротко отвечала бабушка. – Только ты ее не видишь.

Дед принимался кричать, что ему надоели бабушкины загадки, и уходил ругаясь. Талинка, обычно с нетерпением ждавшая лета, теперь мечтала об осенних промозглых дождях и холоде.

Но оказалось, что главная беда еще впереди.

Пропала комолая корова дядьки Остролиста. Он искал ее несколько дней, потом решил, что глупую скотину задрал медведь, и смирился с потерей.

Но неожиданно корова вернулась домой, как ни в чем не бывало. Правда, раданно Остролиста и его жены оказалось преждевременной: наутро корова захромала, губы и язык покрылись противными пузырями, а изо рта потекла обильная слюна. Еще через

два дня болезнь поразила всех животных в дядькином стаде, а потом начался падеж. Родственники и соседи в панике кинулись закрывать своих драгоценных кормилиц в закутах, развешивали по углам жилищ и загонов пучки полыни, спешно окуривали стойла серой. Но было поздно: телята и коровы одна за другой отказывались от еды, начинали пускать слюни и бессильно валялись с ног, мыча от боли.

В поселке поднялся громкий плач: женщины иступленно рыдали и царапали себе лица; мужчины в бессильном горе сжимали кулаки, но даже они не могли удержать слез.

На берегу запылал гигантский костер: несчастные хозяева жгли вздувшиеся трупы, корытца для еды и поила, ремни и соломенные подстилки. В поселок пополз черный смрадный дым.

Поздно вечером Талинка с бабушкой без сна лежали в своих постелях, слушая крики и говор, доносившиеся из поселка. Обе знали: сегодня произойдет что-то ужасное, и помешать этому никто не в силах. Время тянулось томительно медленно, а шум в поселке не утихал. Вдруг послышались торопливые шаги: кто-то, спотыкаясь в темноте, бежал к хижине.

– Кто там? – окликнула бабушка.

– Это я! – отозвался Рыжик. – Бегите отсюда! Скорее!

Он ввалился в хижину, хлопнулся наземь и, с трудом переводя дух, принялся рассказывать:

– Дядька Остролист заболел. Дед говорит: надо жертву принести Богам. Говорит: это ведьмы виноваты, за них страдаем. Надо их Огню отдать. Говорит: они любят огонь, вот и пусть идут к нему.

– Где моя дочь? – быстро спросила бабушка.

– Они связанные лежат у себя в хижине, – ответил Рыжик. – Их не тронут. Отец сказал: на брата и его жену руку не подниму. Пусть, говорит, они живут. А вот на тебя, бабушка, он сердится. И на тебя, сестра... Я не знаю, за что!

Талинка слушала и не верила ушам: дядька Первоцвет хочет их убить? Своих родичей? За что? Она смотрела на Рыжика и не узнавала его: так изменилось за один вечер его лицо. Не то осунулось, не то повзросло. Глаза огромные и отчаянные, а возле губ легли не по-детски скорбные складки. Талинка вспомнила о мальчике, знавшем тайну невидимого огня, и вздохнула. Ах, если б суметь сделать, как он! Хоть один раз!

– Вставайте же, уходите скорее. Они сейчас сюда придут! – теребил их Рыжик.

Бабушка встала, быстро обняла его и выскользнула наружу. Прислушалась. Вернулась за Талинкой, схватила ее за руку и потащила за собой.

– Бегите к пещере! – крикнул им вслед Рыжик.

Месяц светил им в спину, и дорога была как на ладони. Сначала они бежали, но бабушка быстро выбилась из сил и остановилась, согнувшись и упершись ладонями в колени. Тяжелое дыхание со свистом вырывалось из ее груди. Пришлось перейти на шаг, но сзади послышались возбужденные крики и собачий лай. Шум быстро приближался, между деревьев замелькали факелы. Беглецы из всех сил рванулись вперед. Вон уже впереди замаячила темная громада Медведя... Скорее!

И тут бабушка решительно остановилась.

– Дальше иди одна, девочка.

– А ты?

– Я пойду твоих родителей выручать. Увидят, что нас нет – убьют их.

– Я без тебя не куда пойду! – закричала и заплакала Талинка, но бабушка так глянула на нее, что рыдания разом оборвались. Медленно, как во сне, Талинка пошла к заветному камню. Она уже не удивилась, что видит знакомый туннель света, на этот раз пустой и безлюдный. Перед тем как шагнуть в луч, она оглянулась и увидела, что бабушка повернулась к преследователям лицом, а они пятаются и теснятся к лесу с криками ужаса, будто увидели чудовище.

Талинка знала, что они видят: огромную стену огня и в ней – медведицу, вставшую на дыбы.

2007-2010 г.г.

¹ Волги.

² Царев курган.

³ Не существующая в настоящее время скала Козьи Рожки.

⁴ Р. Сок

СОДЕРЖАНИЕ

СНЕЖНАЯ ГРИВА.....	5
ПРОРЫВ.....	13
АКИНАК.....	19
ЗВЕЗДА.....	27
МОРГУЛЮТКИН КЛАД.....	37
ХРАНИТЕЛЬ.....	45
СКАЗКА СТРАННИКА.....	51
О ЧЕМ МОЛЧАЛА ДОБРОВА.....	57
САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ.....	61

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2011
ИД № 00092 от 27.08.99.

Любославова Лидия Николаевна

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

редактор **В. Смирнов**
макет, верстка **В. Мисюк**
художник **Н. Бикулова**

Отпечатано в Дмитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 3.03.2011.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 5,5.

Тираж 200 экз.